

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕБНИК ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

2-е издание, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям*

*Допущено Учебно-методическим объединением по специальностям
педагогического образования в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальности 032900 (050301) — русский язык и литература*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2016

УДК 82(075.8)
ББК 83.3(2Рос-Рус)1я73
Т65

Авторы:

Травников Сергей Николаевич — доктор филологических наук, профессор;
Ольшевская Лидия Альфонсовна — доктор филологических наук, профессор.

Т65 **Травников, С. Н.**

История древнерусской литературы : учебник для академического бакалавриата / С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 426 с. — Серия : Бакалавр. Академический курс.

ISBN 978-5-9916-4124-1

Учебник содержит систематическое изложение истории русской литературы XI—XVII вв. Большое внимание уделяется специфике средневековой культуры, эволюции жанров литературы Древней Руси, ее связей с фольклором, деловой письменностью, мировым историко-литературным процессом. Анализ памятников древнерусской литературы ведется с учетом не только их идейно-тематического содержания, но и художественных особенностей. В издание включена подробная библиография по каждой рассматриваемой теме.

В качестве дополнения к учебнику в электронной библиотечной системе «Юрайт» (www.biblio-online.ru) размещена хрестоматия, где публикуются (полностью либо в сокращении) тексты произведений литературы XI—XVII вв. (см.: Травников, С. Н. История древнерусской литературы. Хрестоматия : учебное пособие для академического бакалавриата / авт.-сост.: С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская, Е. Г. Июльская. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — 896 с. — Серия : Бакалавр. Академический курс).

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по филологическим направлениям и специальностям.

УДК 82(075.8)
ББК 83.3(2Рос-Рус)1я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-9916-4124-1

© Травников С. Н., Ольшевская Л. А., 2007
© Травников С. Н., Ольшевская Л. А., 2014,
с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2016

Оглавление

Предисловие	8
Введение.....	10
1. Особенности литературы Древней Руси	10
2. Специфика древнерусской книжной культуры	17
3. Проблема периодизации русской средневековой литературы	25
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>29</i>
<i>Кейсы.....</i>	<i>30</i>
Глава 1. Литература Киевской Руси. Формирование жанровой системы древнерусской литературы.....	31
1.1. Переводная литература и ее значение в истории русской культуры	31
1.1.1. Историческое повествование	32
1.1.2. Агиографическая литература	34
1.1.3. Торжественное и дидактическое красноречие	41
1.1.4. Апокрифическая литература	43
1.1.5. Естественнонаучная литература	47
1.2. История русского летописания XI—XII веков. «Повесть временных лет» как литературный памятник начала XII века	49
1.2.1. Формирование «Повести временных лет»	51
1.2.2. Русская история в «Повести временных лет»	52
1.2.3. «Повесть временных лет» и фольклор	53
1.2.4. Жанровое своеобразие «Повести временных лет»	56
1.2.5. Значение «Повести временных лет» в истории русского летописания	60
1.3. Становление жанров ораторской прозы в литературе Древней Руси.....	61
1.3.1. Торжественное красноречие. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона	61
1.3.2. Дидактическое красноречие. «Поучение» Владимира Мономаха	66
1.4. Национальное своеобразие агиографической литературы Киевской Руси	72
1.4.1. Житийный цикл произведений о Борисе и Глебе.....	75
1.4.2. «Житие Феодосия Печерского» Нестора как классический образец преподобнического жития	80
1.5. Формирование жанра хождения в литературе Древней Руси.....	88
1.5.1. Проблемы теории и истории жанра	88
1.5.2. «Хождение» игумена Даниила в Святую землю	91
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>98</i>
<i>Кейсы.....</i>	<i>99</i>

Глава 2. Литература периода феодальной раздробленности (XII–XIV века)	100
2.1. Общерусское и местное в произведениях удельных литературных школ.....	100
2.2. «Слово о полку Игореве» как вершинное явление древнерусской литературы.....	101
2.2.1. Историческая основа произведения	102
2.2.2. Проблема авторства и времени создания «Слова о полку Игореве».....	103
2.2.3. Художественный мир «Слова о полку Игореве»	105
2.2.4. Значение памятника в истории мировой культуры	111
2.3. «Золотой век» в развитии ораторской прозы Древней Руси	112
2.3.1. Климент Смолятич — «книжник и философ».....	112
2.3.2. Проповедническое искусство Кирилла Туровского	114
2.3.3. Послание к князю Даниила Заточника как гимн человеческому разуму	120
2.4. «Прелесть простоты и вымысла» в рассказах Киево-Печерского патерика	124
2.4.1. История создания и редакторской работы над сборником.....	127
2.4.2. Печерский патерик как «агиографическая летопись».....	130
2.4.3. Русский идеал святости.....	133
2.4.4. Демонология патериковых рассказов.....	134
2.4.5. Жанрово-стилевые особенности патерика	135
2.5. Галицко-Волынская летопись в контексте русского летописания XII–XIII веков.....	136
2.5.1. Проблема авторства, состава и источников летописи	137
2.5.2. Особенности повествования в Галицкой летописи	139
2.5.3. Стилизовое своеобразие «Летописца Даниила Галицкого»	145
2.5.4. Значение произведения в истории культуры	146
2.6. Героическая тема в русской литературе периода монголо-татарского нашествия	147
2.6.1. «Повесть о разорении Рязани Батыем»	148
2.6.2. «Слово о погибели Русской земли»	151
2.6.3. «Повесть о житии Александра Невского»	152
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>155</i>
<i>Кейсы.....</i>	<i>156</i>
Глава 3. Становление литературы Московского государства (конец XIV–XV век)	157
3.1. Эпоха русского Предвозрождения	157
3.2. Памятники Куликовского цикла	164
3.2.1. «Задонщина»	164
3.2.2. «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича Донского»... ..	166
3.2.3. «Сказание о Мамаевом побоище»	167
3.3. Агиографическое творчество Епифания Премудрого.....	170
3.3.1. «Житие Стефана Пермского»	171
3.3.2. «Житие Сергия Радонежского»	174

3.4. «Иные языки» в изображении русских писателей-путешественников конца XIV—XV века	180
3.4.1. Процесс обмирщения жанра в «Хождении» Игнатия Смольнянина.....	181
3.4.2. «Хождение» Зосимы как новый этап в развитии паломнической литературы	183
3.4.3. Путевые записки о странах Западной Европы.....	185
3.4.4. Путешествия в Египет и Малую Азию.....	188
«Хождение» Варсонофия.....	188
«Хождение» гостя Василия.....	189
3.4.5. Индийская тема в путевой литературе Древней Руси.....	190
3.5. Русская повесть XV века.....	192
3.5.1. Воинская повесть.....	192
«Повесть о нашествии Тохтамыша»	193
«Повесть о Темир Аксаке»	194
«Сказание о нашествии Едигея»	195
Летописные повести о стоянии на Угре	196
Летописные повести о походах Ивана III на Новгород в 1471 и 1477—1478 годах	197
«Повесть о взятии Царьграда турками»	198
3.5.2. Житийная повесть.....	203
«Повесть о житии Михаила Клопского».....	203
«Рассказ о смерти Пафнутия Боровского».....	206
3.5.3. Повести об основании монастырей	209
«Повесть о Петре, царевиче ордынском»	209
«Повесть о Луке Колоцком»	212
«Повесть о посаднике Щиле».....	212
3.5.4. Беллетристическая повесть.....	214
«Повесть о мунтянском воеводе Дракуле».....	214
«Повесть о Дмитрии Басарге и о его сыне Борзосмысле»	216
«Стефанит и Ихнилат».....	218
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	221
<i>Кейсы</i>	221

Глава 4. Литература эпохи русского централизованного государства (XVI век) 223

4.1. Особенности литературного развития в XVI веке.....	223
4.1.1. Публицистичность художественного творчества. Сочинения Ивана Пересветова.....	225
4.1.2. Биографизм исторической прозы. «История о великом князе Московском» Андрея Курбского	229
4.1.3. Актуализация темы смерти	234
4.1.4. Процесс укрупнения и обновления литературных форм. «Хождение» Трифона Коробейникова	237
4.1.5. Расцвет местных литературных школ. Владимиро-суздальская школа агиографии	240
4.2. Борьба идей и стилей в русской публицистике XVI века	248

4.2.1. Иосиф Волоцкий как писатель-публицист	248
4.2.2. Публицистические сочинения Вассиана Патрикеева.....	251
4.2.3. Своеобразие личности и творчества Максима Грека.....	252
4.2.4. Новаторский характер публицистики Ивана Грозного	255
4.3. Монументальные памятники XVI века	258
4.3.1. Волоколамский патерик.....	258
4.3.2. Великие минеи чети митрополита Макария	262
4.3.3. «Степенная книга»	263
4.3.4. «Стоглав».....	265
4.3.5. «Домострой»	267
4.3.6. Московский лицевой летописный свод.....	270
4.4. Взаимодействие фольклорной и агиографической традиций в «Повести о Петре и Февронии Муромских».....	271
4.4.1. История создания произведения	271
4.4.2. Сюжетно-композиционная основа «Повести»	273
4.4.3. Актуальные вопросы изучения памятника.....	276
4.5. «Казанская история» как новый тип исторического повествования	278
4.5.1. Проблема авторства произведения.....	278
4.5.2. Особенности жанра, композиции и сюжета «Казанской истории» ...	280
4.5.3. Исторические, литературные и фольклорные источники памятника	282
4.5.4. Традиционное и новое в изображении человека	285
4.5.5. Поэтика произведения	286
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	290
<i>Кейсы</i>	291

Глава 5. Русская литература XVII века: трансформация средневековой системы жанров и зарождение новых литературных форм	292
5.1. Общая характеристика историко-литературного процесса XVII века.....	292
5.2. Новые тенденции в развитии житийного жанра	302
5.2.1. Рост светского начала в русской агиографии	302
5.2.2. Жанрово-стилевое многообразие житийной литературы XVII века	305
5.2.3. Бытовое как бытийное в «Житии Юлиании Лазаревской»	307
5.2.4. Автобиографический характер «Жития протопопа Аввакума»	310
5.3. Русская повесть XVII века в ее движении от исторического к вымышленному	316
5.3.1. Формирование исторической беллетристики.....	316
«Писание о преставлении и погребении Михаила Скопина- Шуйского»	316
Цикл произведений о начале Москвы.....	318
«Повесть о Тверском Отроче монастыре»	320
5.3.2. Эволюция жанра воинской повести.....	322
«Историческая повесть» о взятии Азова.....	323
«Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении»	324
«Сказочная повесть» об Азове	328

5.3.3. Бытовая повесть. Проблема национально-исторического и вечного	329
«Повесть о Савве Грудцыне» — русская вариация на тему Фауста.....	329
Философская основа конфликта в «Повести о Горе-Злочастии»....	332
Новый тип героя в «Повести о Фроле Скобееве».....	334
5.4. Становление русской сатиры	337
«Калязинская челобитная»	338
«Повесть о бражнике».....	339
«Служба кабаку».....	341
«Повесть о Ерше Ершовиче»	342
«Азбука о голом и небогатом человеке»	343
«Лечебник на иноземцев».....	344
«Сказание о крестьянском сыне».....	345
«Сказание о Куре и Лисице»	346
«Повесть о Шемякином суде».....	347
«Повесть о Карпе Сутулове»	348
5.5. Путевая литература переходного периода.....	350
5.5.1. «Скаски» русских землепроходцев	351
5.5.2. Статейные списки русских послов.....	352
5.5.3. Светские путевые записки. «Путешествие» стольника П. А. Толстого	353
5.5.4. Паломническая литература. «Хождение» Иоанна Лукьянова	356
5.5.5. Новое в изображении человека и мира русскими путешественниками XVII века	361
5.6. Переводная литература XVII века.....	364
«Повесть о Бове-королевиче»	364
«Повесть о Брунцвике»	366
«Повесть о Петре Златых Ключей».....	368
«Повесть о Василии Златовласом»	370
«Повесть об астрологе Мустаеддыне».....	370
Сборник «Фацеции».....	372
Сборник «Великое зеркало»	374
Сборник «Римские деяния».....	375
«Притчи Эзопа»	377
5.7. Возникновение стихотворства и драматургии	378
5.7.1. Стихотворство периода Смуты.....	380
5.7.2. «Приказная школа» стихотворства.....	381
5.7.3. Рождение русского театра	384
5.7.4. Особенности ранней русской драматургии.....	385
5.7.5. Стиль барокко в творчестве Симеона Полоцкого и его учеников....	388
Вопросы и задания для самоконтроля.....	397
Кейсы.....	398

Литература	399
-------------------------	------------

Предисловие

Главная цель, которую преследовали авторы учебника, — сформировать у студентов представление о литературном процессе русского Средневековья в контексте развития мировой и отечественной культуры.

Древнерусская литература — первая дисциплина историко-литературного цикла, поэтому ее изучение предполагает не только получение студентами определенного объема знаний по предмету, но и формирование личности филолога, развитие интереса к научному поиску, культуры литературоведческого труда. Курс русской литературы Средневековья направлен на выработку у студентов вдумчивого отношения к произведению искусства слова, воспитание гражданственности и патриотизма, формирование высокой нравственности и развитие эстетического чувства. Знание отечественной истории, культуры и литературы — черта, характерная для истинно интеллигентного человека. По словам А. С. Пушкина, «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие».

Соблюдение принципов преемственности и межпредметной связи в процессе обучения потребовало, чтобы в учебнике были отражены такие вопросы, как освоение древнерусской литературой художественного опыта фольклора, наследия европейской культуры, а также созвучность открытий, которые делали в области познания и изображения человека писатели, изографы и зодчие Древней Руси.

Расположение материала в учебнике подчинено хронологическому, а внутри глав — тематическому или жанровому принципу. Каждую главу завершают вопросы и задания для самопроверки, расширения и углубления знаний, а также кейсы — задания повышенной сложности по проблемам, не имеющим однозначного решения. Кейсы направлены на развитие профессиональных способностей и творческой активности студента, их выполнение потребует от него самостоятельных научных разысканий. В конце учебника приведены библиография (по главам), а также список учебно-методической и справочной литературы по предмету.

Тексты произведений древнерусской литературы приводятся по изданиям:

Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. Т. 1—17. — СПб. : Наука, 1997—2013 (продолжающееся издание).

Памятники литературы Древней Руси. [Вып. 1—12] / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — М. : Худож. лит., 1987—1994.

Тексты произведений (полностью либо в сокращении) публикуются в хрестоматии:

Травников, С. Н. История древнерусской литературы. Хрестоматия : учебник для академического бакалавриата / авт.-сост.: С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская, Е. Г. Июльская. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — 896 с. — Серия : Бакалавр. Авторский курс.

Это издание доступно в электронной библиотечной системе biblio-online.ru.

В результате освоения материала учебника по курсу «История древнерусской литературы» студент должен:

знать

- особенности русской средневековой литературы; ее связи с национальным фольклором, русской литературой Нового времени, европейской литературой Средневековья и Возрождения, барокко и классицизма; специфику ее взаимодействия с другими видами искусства Древней Руси;

- основные этапы и закономерности развития русской литературы XI—XVII вв.;

- идейно-художественное содержание и жанрово-стилевое своеобразие классических памятников литературы Древней Руси;

уметь

- профессионально читать и комментировать древнерусский текст;

- соотносить литературные явления с важнейшими историческими событиями эпохи русского Средневековья;

- анализировать произведения литературы Древней Руси с учетом их средневековой специфики, в единстве формы и содержания, при обязательном обращении к проблемам поэтики;

- вести сопоставительный анализ древнерусских памятников, созданных в разное время, разными авторами, в разных жанровых традициях и т.п.;

- представлять литературный процесс во всей сложности и неоднонаправленности творческих исканий;

владеть

- навыками вычленять в истории русской средневековой литературы спорные и нерешенные проблемы;

- умением формулировать свою точку зрения и аргументировать ее; вести научную дискуссию.

Отправляясь в путь за знаниями, следует помнить завет древнерусского писателя: «Велика бо полза бываеть челоуѣку отъ учения книжнаго... мудрость бо обрѣтаемь и въздержание от словесъ книжныхъ... Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи велику ползу души своей».

Введение

1. Особенности литературы Древней Руси

Литература русского Средневековья (XI—XVII вв.) — это особый мир, во многом потаенный для современного человека. У древнерусской литературы особая система художественных ценностей, свои законы творчества, непривычные формы произведений. Постигание истоков отечественной словесности сравнимо с хождением в «землю неизвестную», что, как всякое путешествие, сопряжено с большими трудностями. Освоить художественное пространство древнерусской литературы может лишь посвященный в его тайны, познавший его специфические черты.

Русская литература XI—XVII вв., как и вообще искусство Средневековья, базировалась на системе религиозных представлений о мире; в ее основе лежал **религиозно-символический метод** познания и отражения действительности. Мир в сознании древнерусского человека как бы раздваивался. С одной стороны, реальная, земная жизнь человека, общества и природы, которую можно познать с помощью житейского опыта, с помощью чувств, т.е. «телесными очима». С другой стороны, сакральный, «горний» мир, который в отличие от мира «дольного» открывается лишь избранным, угодным Богу людям.

Исходя из библейской концепции сотворения мира, древнерусский писатель уподоблял творца Богу, высоко ценил естественную красоту мира и негативно относился к искусственной, т.е. созданной руками человека, красоте; поэтому в литературе Средневековья был развит мотив «нерукотворности» икон, «чудесного» основания монастырей и городов. В Киево-Печерском патерике рассказывается, как место для строительства главной святыни монастыря — Успенского собора — Бог «знаменует» трижды: то обильной росой, то ее отсутствием, то огнем, который «спаде... съ небеси и пожже вся древа и тръние, и росу полиза, долину сътвори, якоже рвомъ подобно». Из жития древнерусского художника Алимпия Печерского известно, что во время болезни монаху помогал в работе «нѣкто юноша свѣтель» — ангел; иконы его письма являлись чудотворными, и даже краски обладали целительной силой: помогли Алимпию излечить прокаженного.

Понятие красоты в Средние века отличалось иерархичностью. Существовала абсолютная красота — вечное и истинно прекрасное, воплощением которой был Бог, затем шли красота «небесная» и «земная», при этом церковь уподоблялась «небу на земле». Связь трех уровней осуществлялась через понятие «духовной красоты», которая являлась высшей ценностью человека и позволяла ему постигать божественную красоту мира. Для

искусства Средневековья характерен **органический сплав эстетического и этического**: красиво то, что нравственно, согрето милосердием к ближнему и любовью к Богу. Добро всегда божественно прекрасно, оно ассоциируется с понятиями «свет» и «тепло», в то время как зло являет собой безобразное, дьявольское, нечто мрачное и холодное. Отсюда контрастность в изображении героя древнерусской литературы: его душа — арена борьбы сил добра и зла. Источник добра — Бог и его слуги: ангелы и святые. Первопричиной зла являются дьявол и его воинство — бесы, способные изменять свой облик и «уловлять в сети дьявола» души людей. Бог допустил временную и ограниченную известными пределами власть дьявола, чтобы испытать нравственную стойкость человека и истинность его веры, закалить его в борьбе со злом. За человеком признается право выбора между добродетельным и греховным образом жизни, с него не снимается ответственность за совершенные поступки, поэтому культуру Средневековья часто называют «культурой совести». Бог, как Высший Судия, вознаграждает праведников и наказывает грешников. Молитвой и покаянием можно изыскать грех и избежать кары, ибо Бог «не хочет зла человеку, но блага». Для древнерусской литературы характерны светлый взгляд на человека, вера в возможность его нравственного возрождения.

Произведение средневекового искусства пронизано символами, среди которых значительную роль играет **символика света и цвета**. «Красота есть свет, по сравнению с которым свет Солнца — тьма», — утверждал Василий Великий. Этот свет воспринимается не физическим зрением, а «мысленным взором», «очами души», на что способен и слепой. Мотивы «озарения», «духовного прозрения» человека, «божественного сияния» как знака святости становятся устойчивыми в литературе Древней Руси.

В отличие от света, который нельзя описать и изобразить, цвет вполне материален и многозначен. Древнерусское искусство обладало богатой оттенками смыслов хорошо разработанной цветовой символикой, где тоже существовала иерархия. Восхождение начиналось с черного цвета, символа греха и раскаяния, и шло по направлению к белому, символизирующему торжество духовного над плотским, прощение и невинность. Красный воспринимался как символ очищения через страдание на пути к царственности; золотой цвет, заключавший в себе идею высоты и славы, уподоблялся божественному свету. Древнерусская литература не богата эпитетами цветового характера, но их роль в понимании идейного замысла писателя велика. Для автора «Слова о полку Игореве» обращение Святослава Киевского к русским князьям с призывом к единству действий, прозвучавшее накануне монголо-татарского нашествия, — «злато слово, слезами смѣшено».

В тексте древнерусских памятников часто встречаются числа 3, 7, 12, 40 и некоторые другие, имеющие, помимо реального, символический смысл, связанный с сакральными предметами и событиями, общепринятыми в христианстве понятиями. Триадность — характерная примета житийного повествования. Например, иконы работы Алимпия Печерского трижды оставались невредимыми во время пожаров и разрушения церкви. Троекратное повторение чуда или поучения, плача или видения в житии святого

порождало мысль о трех ипостасях Бога, ради служения которому монахи оставили мир, кому подражали в своей подвижнической деятельности.

Древнерусскому книжнику было ясно, почему происходят те или иные события. В отличие от русских классиков XIX в. его не мучили вопросы «кто виноват?» и «что делать?», чтобы изменить к лучшему человека и мир. По убеждению средневекового писателя, все происходило на земле по воле Бога. Если являлась «звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавѣ», то это служило русичам грозным предупреждением о грядущих испытаниях, половецких набегах и княжеских распрях: «Се же проявляющи не на добро. По сем же быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Руськую землю, си бо звѣзда, акы кровава, проявляющи крови проли-тье». Природа еще не обрела своей самостоятельной эстетической ценности. Необычное явление, будь то затмение солнца, наводнение или нашествие саранчи, выступало в качестве некоего символа, знака связи между «горним» и «дольним» мирами, истолковывалось как злое или доброе предзнаменование.

В угоду средневековой символике писатель подчас отступал от исторического факта. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» рассказывается, как в неравном бою заговорщики отрубили князю правую руку, что приходит в противоречие с данными научных исследований: у князя были раны на левой руке. Автор повести — современник описываемых событий, хорошо осведомленный человек, знавший детали этого боярского преступления и сочувствовавший Андрею Боголюбскому. Нарушение им исторической действительности объясняется тем, что меч — символ княжеской власти — держала правая рука (десница), а не левая (шуица). Отрубить князю правую руку — значит лишить его возможности активного участия в политической жизни страны.

Христианское искусство развивалось как антитеза античному искусству с его культом формы, телесной красоты. На смену объемному изображению пришло плоскостное: скульптуру вытеснила икона. Согласно средневековым представлениям, тело — «одежда души», оно материально и греховно. Вот почему такое распространение в искусстве получают мотивы «наготы» и «немогущности», контрастные построения типа «материальная нищета — духовное богатство», «внешнее безобразие — внутренняя красота». Средневековое искусство основано на **эстетике аскетизма**, сознательного и добровольного отречения от мирских радостей жизни, идеализации монашеского подвига, стремления человека пострадать за веру. Святой (монах, мученик, юродивый) — типично средневековый герой литературы. Изображая его жизнь, писатель старательно избегал любовных сцен, грубо натуралистических или высоко поэтических, связанных с культом женской красоты. В отличие от западноевропейской литературы, где уже в раннем Средневековье утвердилась эротическая тема, литература Древней Руси носила целомудренный характер. Женщина есть «сосуд дьявола», земная любовь греховна, а истинное предназначение человека — любовь к Богу. Руководствуясь этими постулатами, древнерусский писатель признавал любовь только к одной «Прекрасной Даме» — Богородице, почитание которой на Руси часто затмевало собой культ ее сына.

Древнерусскую литературу отличает **высокая духовность**. Жизнь человеческой души — основной объект изображения в искусстве Средневековья; воспитание и совершенствование нравственной природы человека — главная его задача. Внешнее, предметное отступает здесь на второй план. Как на иконе, где крупным планом даются лик и очи — то, что отражает внутреннюю сущность святого, «свет» его души, — так и в литературе, особенно житийной, изображение человека подчинено прославлению должного, идеального, вечно прекрасных нравственных качеств: милосердия и скромности, трудолюбия и нестяжания.

Если духовность древнерусского искусства, по мнению В. В. Бычкова, унаследована из Византии вместе с идеалами христианства, то **софийность** — национальный феномен, осознание «единства мудрости, красоты и искусства». Она возникла на основе синтеза мифологического сознания восточных славян и православной культуры, сказалась в умении выразить духовные ценности своего времени и вечные проблемы бытия в их общечеловеческой значимости. Русское Средневековье не оставило специальных трактатов по философии, этике и эстетике. Представления наших предков о Боге и мироустройстве, об отношениях между людьми, о прошлом и будущем, прекрасном и безобразном отразились в памятниках искусства Древней Руси. В духовном развитии общества литературе принадлежала ведущая роль: словесное искусство было обращено к огромной аудитории, будило мысль и чувство человека.

Древнерусская литература носила ярко выраженный **исторический характер** и не допускала открытого вымысла, который воспринимался как «лжа и неправда», «сатанинская прелесть», направленные на погубление души. Долгое время частный человек с его радостями и горестями оставался за пределами литературного интереса. Исторические события государственного масштаба: военные походы князей, феодальные съезды, нашествия кочевников, восстания смердов, борьба за великокняжеский стол, строительство монастырей, основание городов — вот что находилось в центре внимания древнерусского книжника. Героями его произведений являлись исторически реальные и исторически значимые лица: князья и бояре, воеводы и митрополиты; народ же обычно выступал как безмолвный и безликий свидетель или участник их деяний.

Историзм средневековой литературы особого рода. Часто в произведении самым причудливым образом переплетаются два плана: реально-исторический и религиозно-фантастический. Причем древний человек верил в существование бесов точно так же, как и в то, что княгиня Ольга путешествовала в Царьград, а князь Владимир крестил Русь. Бесы в изображении древнерусского писателя «черни, крилаты, хвосты имущи»; они наделяются способностью совершать человеческие поступки, например, рассыпать муку на мельнице, поднимать бревна на высокий берег Днепра для строительства Киево-Печерского монастыря.

Смешение факта и вымысла характерно для древней части «Повести временных лет», истоки которой находятся в фольклоре. Рассказывая о путешествии княгини Ольги в Царьград и принятии ею христианства, летописец идет вслед за народной легендой, согласно которой Ольга, как

«мудрая дева», «переключала» (перехитрила) византийского императора. Пораженный ее «лепотою», тот решил «пойти» Ольгу за себя, т.е. взять в жены, но после крещения иноверки (условие брака, выдвинутое княгиней) был вынужден отказаться от своего намерения, ибо крестный отец не мог стать мужем. Новые исследования этого летописного фрагмента, сопоставление его с данными переводных хроник свидетельствуют о том, что княгиня Ольга в описываемое время находилась в весьма преклонном возрасте, византийский император был значительно моложе ее и имел жену. Летописец использовал народно-поэтическую версию исторического события для того, чтобы показать превосходство русского ума над иноземным; возвысить образ мудрой правительницы, которая понимала: без веры в единого Бога невозможны консолидация восточнославянских племен и образование единого государства.

С этим летописным рассказом связана и другая особенность русской средневековой литературы — **отсутствие эстетических категорий трагического и комического**. Трагическое выносилось за рамки природно-познаваемого. Смерть расценивалась как торжество духа над плотью, избавление от земных тягот и страданий. Плачи по умершим в произведениях древнерусской литературы — результат влияния фольклорной традиции, основанной на языческих представлениях о жизни и смерти. Официальной церковью в Средние века преследовались и воппенницы, и скоморохи, носители смеховой народной культуры. В образе скоморохов бесы являются в келью киево-печерского святого Исакия и, играя на гуслих и сопелях, заставляют затворника плясать до полусмерти. Комическое же вплоть до XVII в. не существовало как особая эстетическая система. Элементы юмора в произведениях древнерусской литературы имели фольклорное происхождение; проявление смехового начала носило стихийный характер, нарушая нравственный закон христианского смирения: ибо «смех от гордыни, а гордыня от дьявола».

Прославляя силу духа и мудрость русского народа, средневековый писатель был выразителем **идеи веротерпимости**, гуманного отношения к иноверцам. В XI в. Феодосий Печерский в послании к Изяславу Ярославичу, обличая «неправую латинскую веру», тем не менее призывал князя: «Милостынею же милуй, не токмо своея вѣры, нѣ и чужея. Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бѣдою одѣржима, аще ти будеть ли жидовинѣ, ли сорочининѣ, ли болгаринѣ, ли еретикѣ, ли латининѣ, ли от поганыхъ, — всякого помилуй и от бѣды избави, якоже можеши, и мзды от Бога не погрѣшиши».

Одна из основных примет древнерусской литературы, по мнению И. П. Еремина, — **воинствующий дидактизм**. Средневековый писатель не боялся прослыть тенденциозным, он не мог писать, «добру и злу внимая равнодушно». Его позиция, политическая и нравственная, всегда четко выражена в произведении. Публицистическое начало, страстное, вызывающее к совести, пронизывает лучшие произведения литературы Древней Руси. Думой о будущем страны проникнуто «Завещание» Ярослава Мудрого сыновьям: «Се азъ отхожю свѣта сего, а вы, сыновѣ мои, имѣйте межи собою любовь, понеже вы есте братья единого отца и единой матере.

Да аще будете в любви межи собою, и Богъ будеть в васъ и покорить вы противныя подь вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавистно живуще, въ распряхъ, которающеся, то и сами погибнете, и землю отецъ своихъ и дѣдъ погубите». Только политика братолюбия, мира и единства действий, по мысли князя, могла привести Русь к умножению богатств, упрочению военной мощи и государственного авторитета.

Если рассматривать литературный процесс как последовательную смену трех типов художественного сознания (мифопоэтического, традиционалистского и индивидуально-авторского), то древнерусскую литературу следует отнести к литературам второго поколения, когда главным в творчестве писателя было следование традиции, работа по «образцам», подражание авторитетам. В Средние века существовала иная, чем в наше время, система художественных ценностей, господствовала **эстетика подоби́я**, а не эстетика неповторимости. По мысли Д. С. Лихачева, древнерусский писатель исходил в своем творчестве из **литературного этикета**, т.е. «из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий... как должно было вести себя действующее лицо... какими словами должен описывать писатель совершающееся».

Автор воинской повести, следуя этикету, должен был описать сборы войска и выступление в поход, решающее сражение и его последствия. Если русичи проигрывали битву, он рассуждал о «казнях Божиих», о наказании народа за грехи, и вера в высшую справедливость служила ему утешением. Князь перед боем обязан был обратиться к дружине с призывом «не посрамить земли Русской». В создании образа врага использовались готовые стилистические формулы: противник всегда выступал «в силе тязеце», «пыхая духом ратным», был «нечестивым» и «немилостивым».

Древнерусская литература дорожила общим, повторяющимся, легко узнаваемым, избегая частного, случайного, непривычного для читателя, вот почему в памятниках XI—XVII вв. так много «общих мест» в изображении воинского или монашеского подвига, в некроложных характеристиках русских князей и в похвальных словах святым. Сравнение героев отечественной истории с библейскими персонажами, цитирование книг Священного Писания, заимствование фрагментов из произведений предшествующих эпох — все это в Средние века свидетельствовало о высокой книжной культуре, мастерстве писателя, а не являлось признаком его творческого бессилия.

Традиционность не лишала средневековую литературу многообразия и подвижности: различные литературные традиции могли сосуществовать в рамках единого художественного целого; новое в своем росте всегда опиралось на старое. Тягу средневекового человека к минувшему французский историк Жак Ле Гофф образно назвал «продвижением вперед с обращенным назад взором». Феномен «Слова о полку Игореве» во многом объясняется органическим сплавом в произведении фольклорных и литературных жанровых традиций, связанных с поэтикой плача и славы, воинской повести и ораторской прозы Древней Руси. Бережное отношение Средневековья к традиционному в искусстве ярче всего проявляется на жанровом уровне.

Для литературы Древней Руси характерна **особая система жанров**. Она в большей мере, чем в литературе Нового времени, связана с вне-литературными обстоятельствами, с практическими потребностями древнерусского общества. Каждый литературный жанр обслуживал определенную сферу жизни. Так, возникновение летописания обусловлено потребностью феодального государства иметь свою письменную историю, где были бы зафиксированы важнейшие события (рождение и смерть правителей, войны и мирные договоры, основание городов и строительство церквей).

В XI—XVII вв. существовало и активно взаимодействовало несколько жанровых систем: фольклора, деловой письменности, переводной и оригинальной, богослужебной и светской литератур. Разумеется, жанры богослужебной литературы (Часослов, Триодь, Акафист и др.) были теснее связаны со сферой их бытования, отличались каноничностью текста. Среди жанров существовала своя иерархия, особенно строгая применительно к тем жанрам, которые участвовали в отправлении культа. Верхнюю ступень занимали книги Священного Писания, вслед за ними шли гимнография и слова, толкующие Писание и разъясняющие смысл христианских праздников, затем — жития святых, в зависимости от назначения сгруппированные в сборники: Прологи, Минеи, Патерики.

В основе выделения жанров в литературе Древней Руси лежал объект изображения. Ратные подвиги русичей изображались в воинских повестях; путешествия в другие страны, предпринимаемые сначала только с паломнической, а затем с торговой и дипломатической целями, — в хождениях. Для каждого жанра существовал свой **канон** (свод правил). Например, для агиографического произведения, где объектом изображения была жизнь святого, обязательна трехчастная композиция: риторическое вступление, биографическая часть и похвала одному из «воинства Христова». Тип повествователя в житии — условно многогрешный человек, «худый и неразумный», что было необходимо для возвышения героя — праведника и чудотворца. Главным для данного жанра был идеализирующий способ изображения, когда поведение героя освобождалось от всего временного, греховного и он предстал только в парадные моменты своей жизни как «положительно прекрасный человек». Стиль памятников агиографической литературы в отличие от летописной витиеват и словесно украшен, особенно во вступительной и заключительной частях, которые нередко называют «риторической мантией» жития.

Вслед за Д. С. Лихачевым исследователи древнерусской литературы различают **объединяющие** и **первичные жанры**, причем последние являются «строительным материалом» для сборников-ансамблей. В состав житийных сборников устойчивого, традиционного содержания (Патерики, Прологи, Минеи) могли входить на правах первичных жанровых образований сказания и поучения, жития и послания, повести и чудеса. Деление жанров на первичные и объединяющие условно и производится только исходя из конкретного литературного контекста. Например, жанр жития по отношению к патерику — образование первичное, а по отношению к видению, молитве, чуду — объединяющее. Способность объединять

в рамках большого художественного целого произведения малых форм отличает древнюю литературу от фольклора.

Жанровой системе в целом и каждому жанру в отдельности присущ **динамизм**. Древнерусская литература в XVII в. обогащается стихотворными формами, жанрами сатиры и драмы, а традиционное житие святого все больше превращается в повесть бытового или мемуарно-автобиографического характера. Развитие жанровой системы литературы Древней Руси происходит во многом благодаря процессу ее творческого взаимодействия с жанровой системой фольклора: топонимические легенды входили в состав летописных сводов, плачи придавали произведениям особую лирическую взволнованность; в свою очередь, русская народная сказка, духовный стих испытывали влияние со стороны житий святых. До XVII в. устное народное творчество удовлетворяло потребность в драме и стихотворстве во всех слоях древнерусского общества, в то время как письменная литература в основном культивировала интерес к эпическим (повесть, сказание), лирическим (слово, поучение) и лиро-эпическим (героическая поэма, житие) формам. Литература Древней Руси — это «царство прозы», но прозы, ритмически организованной. Не случайно большая часть переводов и переложений «Слова о полку Игореве» выполнена стихами.

Судьба древнерусских жанров сложилась по-разному: одни ушли из литературного обихода, другие приспособились к изменившимся условиям, третьи продолжали активно функционировать, наполняясь новым содержанием. Так, литературные путешествия XVIII в., очерковая литература последующих столетий вплоть до нашего времени восходят к традиции древнерусских хождений, одного из самых устойчивых жанровых образований Средневековья. Истоки русского романа исследователи видят в бытовых повестях XVII в. Поэтика оды в литературе русского классицизма складывалась не только под воздействием европейской высокой поэзии, но и под влиянием произведений ораторского искусства Древней Руси.

Таким образом, **древнерусская литература** — не мертвое явление, а живое и плодотворное. Она передала по наследству отечественной словесности Нового времени высокий духовный настрой и «учительный» характер, идеи патриотизма и гуманного отношения к людям независимо от их национальной принадлежности и вероисповедания. Многие жанры литературы Древней Руси, претерпев эволюцию, обрели вторую жизнь в литературе XVIII—XXI вв.

2. Специфика древнерусской книжной культуры

Литература Древней Руси, как и фольклор, не знала понятий «авторское право», «канонический текст». Произведения бытовали в **рукописном виде**, причем переписчик мог выступать в роли соавтора, творить произведение заново, подвергая текст выборке, стилистической правке, либо включая в него новый материал, заимствованный из других источников, например летописей, местных преданий, памятников переводной литературы. Так возникали новые **редакции** произведения, отличавшиеся друг от друга идейно-политическими и художественными установками. Если же пере-

писчик просто копировал текст, то и тогда его **список** чем-то отличался от оригинала: появлялись ошибки, пропускались отдельные буквы, слова и даже целые строки. Средневековый копиист невольно отражал в языке произведения особенности своего родного говора (московского, рязанского или новгородского, а если был иностранцем — сербского или болгарского). Все это вело к возникновению разных **изводов** одного и того же памятника. Вот почему, прежде чем издать произведение, созданное в Средние века, необходимо проделать огромную черновую работу по выявлению, изучению и сопоставлению его различных списков и редакций, дабы определить те, которые ближе всего к первоначальному тексту памятника. Этим целям служит особая наука — **текстология**. В круг ее задач входят **атрибуция** (установление авторства) произведения, а также решение вопросов: где и когда был создан текст памятника, почему он подвергался редакторской правке, какой характер имели вносимые в него изменения.

Проблема атрибуции текста в древнерусской литературе возникает чаще, чем в литературе Нового времени, потому что в силу коллективного процесса создания произведений (автор — писец — редактор) большая их часть анонимна. Образно говоря, в галерее русских писателей XI—XVII вв. много чистых холстов. До сих пор среди ученых ведутся споры о том, кто мог написать «Слово о полку Игореве» и «Повесть о Горе-Злочастии». Автор произведения предпочитал оставаться неизвестным или скрывался за авторитетным именем кого-либо из отцов церкви — Иоанна Златоуста, Василия Великого и др. Судить о мировоззрении средневекового писателя, его политических взглядах, степени литературного мастерства можно, как правило, лишь исходя из анализа созданного им произведения, помня при этом, что авторский текст с течением времени разрушался, подвергаясь изменениям со стороны писцов и редакторов. В древний период развития литературы текст произведения являлся первым и часто единственным источником информации о его авторе, в отличие от литературы Нового времени, где исследователь может обратиться к изучению писем и дневников, мемуаров и записных книжек писателя, критических статей о его творчестве.

Анонимность памятников Средневековья следует рассматривать не только как проявление монашеской скромности, но и как стремление древнерусского книжника придать своему произведению вечное и общечеловеческое значение. Писание книг на Руси считалось святым делом, ибо книги «суть реки, напаяющи вселеную» мудростью, преодолевающие пространство и время, связывающие народы и поколения. Древнерусский писатель, воспитывая бережное отношение к «словесной мудрости», «сладоности книжной», советовал читать книги неспешно, вдумываясь в смысл каждого слова, неоднократно возвращаясь к прочитанному: «Егда чьтеши книги, не тышти ся бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумей, чьто глаголють книги и словеса та, и тришьды обраштяся о единой главизне». Традиционным для древнерусской литературы было сравнение писателя с трудолюбивой пчелой; обретение духовных богатств через чтение книг уподоблялось добыче жемчуга.

Преимущественно рукописный характер бытования памятников древнерусской литературы (книгопечатание на Руси появилось только в XVI в.,

к тому же было ограничено объемом и тематикой издаваемых книг) заставляет ее исследователей обращаться за помощью к **палеографии** — науке, в задачи которой входят датировка рукописей и определение места их написания на основе анализа бумаги, типа письма и украшений, встречающихся в книге.

Текст в древности писался в ширину всей страницы или в два столбца без деления на слова и предложения. Книгу писец держал на коленях, размещая на столе письменные принадлежности. Он одушевлял продукт своего труда, поэтому в монастырских книжных описях можно встретить выражения, что книга «живет» в келье у того или иного монаха, «переходит» от владельца к владельцу.

Палеографы, исходя из внешнего вида и цели письма, выделяют три типа почерка: *устав*, *полуустав* и *скоропись*. Тип письма может рассматриваться как довольно устойчивый датирующий признак рукописи. Период XI—XIV вв., когда письменность в основном носила богослужебный характер, — время господства **устава**, который, по словам В. Н. Щепкина, «имеет целью красоту, правильность, церковное благолепие». Уставное письмо торжественное и спокойное, буквы четкие и крупные, их написание раздельно и без наклона, так что каждую букву можно вписать в прямоугольник. Для устава характерны четкость архитектурно-графического оформления текста, малое число сокращений, на что указывали выносные знаки над строкой — **титла**. Данный тип письма требовал особого искусства — **каллиграфии**, к настоящему времени почти утраченного. Уже для героев романа Ф. М. Достоевского «Идиот» талант князя Мышкина, проявлявшийся в копировании древних текстов, был большой редкостью.

Начиная с XIV в. в рукописной практике получает развитие **полуустав** — письмо более беглое и менее строгое, но сохраняющее четкость и раздельность написания букв. Широкое распространение полуустава в XV—XVII вв. связано с возросшей в русском обществе потребностью в книге. Полуустав по сравнению с уставом ускоряет процесс письма, он удобен для переписчика, поскольку мельче и проще, допускает наклон и большее количество сокращений. Полууставное письмо требует от книжника меньшего искусства, так как дорожит не столько красотой букв, сколько их четкостью.

Расширение сферы письменности и ее практической значимости для средневекового человека приводит к выработке нового типа письма — **скорописи**. Если в XI—XIV вв. она обслуживала деловую письменность, то в XV—XVII вв. скорописью начинают переписывать и литературные памятники, прежде всего светского содержания. Цель скорописи — экономия времени, значительное упрощение и ускорение процесса письма. Скоропись — письмо наклонное, где буквы соединяются, их элементы могут размещаться над и под строкой, а многие известные читателю слова подвергаются сокращению, вследствие чего скоропись экономит не только время, затраченное на переписку, но и материал, необходимый для письма. Безусловно, это самый демократичный и продуктивный тип письма, доживший до XXI в., несмотря на конкуренцию с машинописным и компьютерным типами, однако чтение скорописи, где буквы утратили единообразие и пра-

вильность рисунка, подчас сопряжено с большими трудностями. Прочитать скорописный текст XVII в. может далеко не каждый человек, обычно только специалист.

Материалом письма вначале был **пергамен** — особым образом выделанная кожа. Для деловой и частной переписки в Древней Руси иногда использовалась **береста**, о чем свидетельствуют данные археологических раскопок, прежде всего на севере — в Новгороде и Пскове. На рубеже XIV—XV вв. дорогой пергамен и недолговечную бересту потеснила **бумага**, сначала привозная, а затем русского производства. Время и место изготовления бумаги можно определить по особым водяным знакам — **филиграммам**. При изготовлении бумаги измельченной и мокрой тряпичной массой наполняли специальные формы — прямоугольные рамки с сетчатым дном, в углу которого помещался рисунок из тонкой проволоки — марка бумажной мельницы. В этом месте бумажная масса ложилась на проволоку более тонким слоем, поэтому рисунок просматривался на свет, что позволяло определить не только где, но и когда изготовлена бумага. Проволочная сетка отличалась недолговечностью, через год-два ее вместе с филигранью меняли, при этом изменяя или совершенствуя старый знак производства.

Для бумаги XV в. характерны филигранные в виде дельфина, винограда, якоря, рога на перевязи. Приметой следующего столетия становятся различного рода тиары, бычьи головы, кувшинчики, гербы. В XVII в. внешний вид знака усложняется: он может представлять собой гербовый щит под короной или дом с крестом, увитым змеей; рисунки дополняют даты выпуска бумаги и инициалы ее производителей. Вплоть до конца XVI в. бумага на Руси была только привозной. На итальянское происхождение бумаги указывали такие филигранные, как ножницы, перстень, перчатка, корона; на французское — геральдическая лилия, дельфин, единорог, змея, собака, кувшинчик. Немецкими бумажными знаками считают изображения головы быка, тиары, вепря и орла. Голландская бумага получила широкое распространение в России в период правления Петра I, ее типичные знаки — мельница, рожок в геральдическом щите, лев с мечом, стоящий на задних лапах.

Бумажные мельницы в России появились только во второй половине XVII в., но уже начиная со следующего столетия стала активно использоваться бумага собственного производства. Ее легко узнать по гербам городов: медведь — Ярославль, олень — Ростов, корабль — Кострома. В XIX в. бумажные **штемпели** приходят на смену филиграммам. Водяные знаки с датированных рукописей собраны в справочные альбомы, которые помогают исследователю древнерусской литературы датировать ту или иную рукопись.

Украшения, встречающиеся в рукописных книгах, — **миниатюры, заставки, концовки, инициалы** — представляют интерес не только для искусствоведов. Отражая связи государств, удельных княжеств и книгописных школ, характер и уровень художественного вкуса эпохи, развитие техники и стиля исполнения, украшения помогают определить время и место создания рукописной книги. Любой каталог древнерусских рукописей обязательно содержит сведения о миниатюрах (изображениях пер-

сонажей или сюжетов книги), заставках (украшениях в начале текста или отдельных его разделов), инициалах (заглавных буквах, относящихся к тому или иному типу орнамента).

Орнамент, основанный на повторении природных либо геометрических мотивов, — это, по определению В. Н. Щепкина, «ритмическое зрительное искусство в пределах плоскости». Самый ранний тип орнамента — **византийский стиль**, пришедший на Русь вместе с принятием христианства и переводами богослужебных книг. Его отличительный признак — преобладание классически строгих в своей простоте и выразительности геометрических форм. Это вписанные в рамки круги, прямоугольники, арки; повторение одного и того же составляющего букву элемента. Разновидностью старовизантийского орнамента являются инициалы с мотивами зоо- и антропоморфического характера, когда изображения животных или людей становятся необходимым элементом буквы, открывающей текст, либо своими контурами создают ее графический образ. Византийский стиль оформления рукописей характерен для XI—XIII вв. Он встречается в древнейших из дошедших до нашего времени книгах — в «Остромировом Евангелии» и «Изборнике» Святослава 1073 г.

Много выдумки, художественного вкуса и таланта вложили в оформление древних рукописей славянские книжные мастера, которые пытались упростить византийские оригиналы, ввести в них элементы народной фантазии. В современной палеографии за этим типом орнаментики, ярким образцом которого считают древнеболгарскую «Саввину книгу», закрепилось название **южнославянского стиля**. Характерными признаками стиля, широко распространенного в Болгарии и встречающегося в древнерусских рукописях начиная с XII в., принято считать грубоватость рисунка, громоздкость композиций, тенденцию к превращению растительных форм орнамента в звериные.

В следующем столетии на Русь из Болгарии проникает **тератологический стиль**, господствовавший вплоть до XV в. Свое название орнамент получил от греческого слова *teras* — «чудовище». В нем изображение живого существа, реального или фантастического, обрело независимое от буквы, самостоятельное значение. Инициал превратился в своего рода миниатюру, а его буквенный образ стало трудно узнать. В XV в. в русских рукописях появляются украшения, выполненные в новом **балканском стиле**, который становится особенно популярным во второй половине XV — начале XVI в. Традиционные мотивы этого стиля — жгуты, плетенки из лент, кругов и восьмерок.

Во второй половине XVI—XVII в. яркой приметой книжного искусства становится **орнамент старопечатного типа**, который легко узнать по изображению растений со стилизованными цветами и плодами. Наряду с ним, во второй половине XVII в. имеет хождение **барочный орнамент**, где растительные мотивы причудливо сочетаются с элементами геометрического характера (спиралями, кривыми, ломаными линиями). Стиль барокко в орнаменте книги, поражающий необычностью и пышностью форм, как правило, соответствовал барочному же содержанию и поэтике самого литературного памятника, усиливая его воздействие на читателя.

Миниатюры, украшавшие древнерусские рукописные книги, называют «окнами в исчезнувший мир», поскольку они содержат колоритные зарисовки средневекового быта, изображая наводнение в Новгороде или строительство моста через Волхов, выступление войска в поход или осаду города неприятелем, уборку урожая или пир в княжеском тереме. Рисунки, сопровождавшие текст, могли иметь символическое значение. Так, изображенный на полях летописи воин, вонзающий себе в грудь нож, выступал символом братоубийственных феодальных войн, осуждавшихся древнерусским писателем.

В средневековом искусстве связь между словом и изображением была более тесной, чем ныне: миниатюры создавали зрительный ряд книги, облегчая или заменяя ее прочтение; слово могло «комментировать» и иллюстрацию в книге, и даже инициал. Древние художники остова буквы «М» («мысле») часто представляли в образе двух рыбаков, ибо мудрец, улавливающий мысль, подобен рыбаку, забрасывающему сети. Рыбаки-мыслители изображались в состоянии прения, но сеть между ними была уравновешена, что символизировало истину, рождающуюся в споре. Словно забыв о том, что украшает церковную книгу, один из русских художников превратил религиозно-символическое изображение буквы в диалогическую сцену бытового характера. Сеть тяжела от улова, поэтому рыбак призывает другого к более активному действию: «Потягни, курвин сын!» — «Сам еси таков!» — слышится в ответ. Использование в одной картине приемов изобразительного и словесного искусств погружает читателя в народный быт Средневековья, передавая живые интонации разговорной речи, которая может быть то прямой и грубой, то озорной и лукавой.

Из палеографии выросла другая вспомогательная для медиевистов наука — **кодикология** (от лат. *codex* [*codicis*] — книга). Эта специальная историческая дисциплина занимается изучением происхождения рукописной книги на основе анализа как ее внешних примет (место хранения, формат, количество листов, переплет, водяные знаки и пр.), так и внутренних признаков (состав, заголовки, пометы, записи и изображения, нумерация тетрадей и листов). В круг задач кодикологии входит также изучение истории бытования рукописной книги, ее архивной или библиотечной судьбы. Кроме того, предметом исследования является история скрипториев и книгописных центров, что помогает установить время и место написания книги, ее заказчика, писца и владельца. Создавая комплексную историю рукописной книги, кодикология использует приемы и методы анализа, свойственные другим наукам (палеографии, текстологии, архивоведению, библиотековедению). В отличие, скажем, от палеографии кодикология ставит более широкие задачи, привлекая для анализа внутреннюю форму и содержание кодекса, однако ограничивает объект исследования исключительно рукописными книгами, не занимаясь изучением, например, берестяных грамот.

Современное представление о литературе Древней Руси отличается приблизительностью и неполнотой. Это обусловлено тем, что некоторые памятники со временем были утрачены, например «Житие Антония Печерского», на которое ссылался Нестор; другие сохранились в единственном списке, благодаря счастливой случайности не погибли во время войн

и стихийных бедствий. Большие утраты понесла древнерусская книжность во время набегов степных кочевников, монголо-татарского нашествия, польско-шведской интервенции: шла война, горели города и монастыри, погибали в огне рукописи. И в Новое время пласт древнерусской книжности постоянно истощался. Из-за пожаров в Кремле в XVIII в. до нас не дошли остатки некогда богатой библиотеки русских царей. Московский пожар 1812 г. уничтожил рукописные собрания многих коллекционеров и библиофилов (Мусина-Пушкина, Демидова, Бутурлина и др.). Большой урон древнерусской книжности причинили восстания, революции и войны, которыми была богата история России в XX в. Рукописные книги гибли от естественного износа и в результате вытеснения печатной продукцией. Борьба официальной церкви с «отреченными» книгами Древней Руси, где рассказывалось о «земном рае» или «хождении по мукам», также значительно уменьшила их состав.

Массовой была гибель древнерусских книг в результате человеческого небрежения, преступного равнодушия к их судьбе. Крупнейший русский археограф XIX в. П. М. Строев вспоминал, в каком состоянии находился архив Иосифо-Волоколамского монастыря в 1817 г.: он «помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на пол-аршина кучу книг и столбцов, наваленных без разбора... Этому шесть лет, следовательно, снег шесть раз покрывал рукописи и столько же на них таял, теперь, вероятно, осталась одна ржавая гниль. Судите же, сколько погибло тут материала». Сравнение книжных описей русских монастырей, где существовали свои **скриптории** (мастерские по изготовлению и переписке рукописных книг), свидетельствует не только об умножении числа рукописей, но также и об утратах древних раритетов. Согласно реконструкции размеров и состава книжного фонда Киевской Руси, выполненной Б. В. Сапуновым, в XI—XIII вв. в обращении могло находиться около 140 тыс. книг нескольких сот названий, тогда как до наших дней дошли лишь доли процента былых книжных богатств.

Представление о древнерусской литературе отличается не только неполнотой, но, видимо, искажено тем отбором, который вели и время, и люди. Раннюю утрату «Жития Антония Печерского», в XVI в. не обнаруженного в царской библиотеке, можно объяснить тем, что культ основателя монастыря со временем затмил культ его ученика, печерского игумена Феодосия. Авторами и переписчиками книг в древности были в основном монахи, незаинтересованные в распространении светской литературы. Крупнейшие монастырские собрания рукописных книг (Иосифо-Волоколамское, Троице-Сергиево, Кирилло-Белозерское), конечно, включали сборники произведений, предназначенных для душеполезного чтения, однако среди них редко встречались памятники оригинальной и переводной беллетристики, ведь то была «неполезная» литература. Возможно, правы ученые, полагавшие, как, например, В. В. Кусков, что «мы представляем нашу древнюю литературу в большей степени церковной, чем она была на самом деле».

Согласно подсчетам ученых, в книгохранилищах страны выявлено около 500 славяно-русских рукописей XI—XIII вв., из которых более 75% — библейские и богослужебные книги. Хотя со временем количество

светских произведений в общем объеме книжной продукции значительно возросло, однако и в XV в. на долю библейских текстов приходилось около 56%. Неизменной популярностью пользовались Евангелие, Апостол и особенно Псалтирь. По этой книге учили детей читать; к ней древнерусский человек обращался за утешением и мудрым советом, попав в трудную житейскую ситуацию; по Псалтири гадали: открыв наугад, пытались предсказать судьбу. Библейские тексты являлись для средневекового писателя авторитетными, эталонными в плане содержания и формы, поэтому в произведениях древнерусской литературы встречается так много цитат и сравнений из книг Священного Писания.

По одному списку произведения, часто позднему, трудно судить о его первоначальном виде, точно так же, как из множества списков, количество которых может измеряться сотнями («Сказание о Борисе и Глебе», Киево-Печерский патерик, «Хождение» Трифона Коробейникова), сложно выделить самый совершенный, близкий к авторскому. Неудивительно, что многие памятники древнерусской книжности пока не имеют научных изданий, опубликованы по случайным спискам или поздним редакциям.

С находками новых рукописных книг расширяется представление о репертуаре и общем характере русской литературы XI—XVII вв. Достаточно вспомнить, что «Слово о полку Игореве» было открыто лишь в конце XVIII в. и во времена А. С. Пушкина представлялось оазисом в «пустыне нашей древней словесности», а «Житие» протопопа Аввакума, впервые изданное в 1861 г., около двух веков являлось «потаенной» книгой русского старообрядчества. Не изучены в должной мере большие компилятивные памятники Древней Руси, такие как Палеи, Минеи четии, Прологи, а также сборники устойчивого содержания — «Златоуст», «Златоструй», «Измарагд» и т.п. Не имеют полных научных изданий сочинения Максима Грека и Симеона Полоцкого. Не все сборники, хранящиеся в архивах, расписаны по составу. Монастырские собрания и частные коллекции рукописных книг нередко разделены и находятся в разных архивохранилищах, крупнейшие из которых расположены в Москве (Государственный Исторический музей, ГИМ; Российский государственный архив древних актов, РГАДА; Российская государственная библиотека, РГБ) и Санкт-Петербурге (Библиотека Российской Академии наук, БАН; Институт русской литературы (Пушкинский дом), ИРЛИ; Российская национальная библиотека, РНБ). К тому же рукописи рассредоточены по многочисленным краеведческим музеям, научным библиотекам университетов, областным архивам, частным собраниям, что, безусловно, затрудняет их изучение.

Наука о древней русской литературе молода и перспективна, у нее впереди великие открытия. В последнее время резко расширилось представление о ее объеме и характере, а интерес к ней вышел за рамки узкого круга специалистов. Свидетельством тому является публикация «Памятников литературы Древней Руси» в 12 томах (М., 1978—1994) и продолжающееся издание 20-томной «Библиотеки литературы Древней Руси», а также создание фундаментального «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (СПб., 1987—2000) и «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» (СПб., 1995). Эта работа сплотила российских специалистов в коллектив

единомышленников, центром которого стал Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома, на протяжении долгих лет возглавлявшийся академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

В Москве крупнейшим центром изучения литературы Древней Руси стал Сектор древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького, сотрудники которого приняли участие в таких научных проектах, как подготовка пятитомного издания «Ранняя русская драматургия» и четырехтомной серии «Русская старопечатная литература», публикация сборников «Герменевтика древнерусской литературы». Под редакцией доктора филологических наук А. С. Демина вышли первые тома серии материалов для фундаментальной истории литературы Древней Руси, где рассмотрены такие сквозные темы древнерусской книжности, как, например, изображение природы и общества.

3. Проблема периодизации русской средневековой литературы

Древнерусская литература — это литература русского Средневековья, которая прошла в своем развитии долгий путь от XI к XVII в. Три первых столетия она была общей для украинского, белорусского и русского народов. Лишь к XIV в. складываются различия между тремя восточнославянскими народностями, их языком и литературой. В период формирования литературы, ее ученичества, средоточием политической и культурной жизни страны являлся Киев, «мать городов русских», поэтому литературу XI—XII вв. принято называть «литературой Киевской Руси». В трагическое для отечественной истории время (XIII—XIV вв.), в период монголо-татарского ига, литературный процесс не был единым. Его течение определяла деятельность областных литературных школ (черниговской, галицко-волинской, рязанской, владимиро-суздальской и др.). Начиная с XV в. в истории литературного дела на Руси проявляется тенденция к объединению творческих сил, и развитие литературы XVI—XVII вв. идет под знаком возвышения нового духовного центра — Москвы.

Исходя из особенностей исторического пути, пройденного русским народом, в литературе Древней Руси долгое время выделяли три основных периода.

1. Литература Древнерусского государства (XI — первая половина XIII в.), или литература Киевской Руси.

2. Литература периода феодальной раздробленности и борьбы за объединение Северо-Восточной Руси (вторая половина XIII—XV в.).

3. Литература периода создания и развития централизованного Московского государства (XVI—XVII вв.).

В последнее время ученые не довольствуются этой схемой, поскольку, во-первых, она не учитывает в полной мере внутренних, собственно литературных, факторов развития. Периодизация литературного процесса должна основываться на учете присущих данному периоду принципов художественного творчества, круга идей, актуальных проблем, повторяющихся мотивов и образов, устойчивых жанрово-стилевых примет произведений.

Во-вторых, периодизация во многом зависит от того, как ученые определяют хронологические границы литературы Древней Руси. К началу

нынешнего века в решении этого исходного вопроса наметилось две тенденции. Согласно первой из них древнерусскую литературу ограничивали XI—XVI вв., считая следующее столетие переходным этапом между Средневековьем и Новым временем. Приверженцы второго подхода, напротив, раздвигали границы русской средневековой литературы, относя ее начало к концу X в. и включая в нее доклассицистический период XVIII в.

Данное обстоятельство привело к тому, что в научной и учебной литературе существуют системы периодизации, различающиеся как количеством выделяемых этапов (от трех до шести-семи), так и их хронологическими рамками (литературу Киевской Руси то завершают началом XII в., то продлевают до времени установления монголо-татарского ига). Мнения ученых расходятся и по поводу историко-литературных характеристик отдельных периодов, например, в зависимости от того, признают ли они существование Предвозрождения на Руси и какую позицию занимают в вопросе о русском барокко.

Периодизации отличаются и объемом включаемого для анализа материала, поскольку многие произведения средневековой литературы не датированы и часто трудно решить, не только в каком году, но и в каком столетии они были созданы. Долгое время «Повесть о Петре и Февронии Муромских» рассматривали как памятник русской агиографии XV в., сравнивая героиню с «тихими ангелами» на иконах Андрея Рублева. Автограф произведения, обнаруженный Р. П. Дмитриевой, позволил причислить «Повесть» к сочинениям известного публициста XVI в. Ермолая-Еразма. «Повесть о Фроле Скобееве» то включают в курс древнерусской литературы, анализируя ее в контексте других бытовых повестей XVII в., то выводят за границы Средневековья, доказывая близость произведения к «гисториям» Петровского времени.

Периодизация литературного процесса всегда сопряжена с большими трудностями, поскольку она условна и заведомо упрощает многообразие явлений, выделяя в них общее. Творчество писателя, тот или иной стиль редко укладываются в границы литературного периода, измеряемого такими крупными единицами времени, как столетие, половина, треть или четверть века. Предлагаемая схема не претендует на бесспорность, она лишь позволяет выделить главные закономерности в движении русской литературы от XI в., каким датируются самые ранние из известных памятников, до XVIII в., с которого по традиции начинают историю литературы Нового времени.

Первый этап (XI — первая треть XII в.) характеризуется относительным единством литературы, которое определяется взаимосвязью двух главных культурных центров Древнерусского государства — Киева и Новгорода. Это начальный этап в истории русской литературы, период ученичества, когда в роли литературных наставников выступают более развитые, раньше приобщившиеся к христианской культуре страны — Византия и находившаяся под ее властью Болгария (1018—1187). Разумеется, на данной стадии переводная литература преобладает над оригинальной, жанровая система которой находится в процессе формирования. В переводной литературе в начале доминируют тексты, связанные с богослужебной практикой, а также

толкующие книги Священного Писания и популяризирующие Священное Предание, произведения отцов церкви и их жизнеописания. С течением времени в переводной литературе увеличивается доля светских памятников, которые вырабатывают основные понятия христианской нравственности, развлекая читателя, погружая его в мир фантастики и приключений. Главная тема литературы этого периода — тема Русской земли и ее положения в христианском мире. Идея приоритета христианства над язычеством и мысль о равноправии всех христианских народов пронизывают первые произведения русских писателей, созданные в жанре летописи («Повесть временных лет»), жития святого («Житие Феодосия Печерского»), торжественной проповеди («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона), хождения («Хождение» игумена Даниила). Литература прославляет величие Русской земли, живет заботой о ее единстве и суверенности.

Второй этап в развитии древнерусской литературы (вторая треть XII — первая треть XIII в.) связан с появлением областных литературных центров во Владимире и Ростове, Смоленске и Галиче, Полоцке и Турове. Это следствие феодальной раздробленности страны, закономерного исторического процесса, который для развития литературы имел и негативные, и позитивные стороны. Центробежные силы привели к расцвету местных школ, что обогатило литературу чертами неповторимого своеобразия памятников, созданных в разных уделах Русской земли. Наметился процесс расподобления стилей русского летописания, агиографии, ораторского искусства. «Слова» Кирилла Туровского нельзя спутать с произведениями этого жанра, написанными Климентом Смолятичем или Серапионом Владимирским. Однако в силу инерции центростремительных тенденций в развитии культуры по-прежнему были сильны традиции Киевской Руси, отчетливо проявившиеся в идейном содержании и поэтике «Слова о полку Игореве», Киево-Печерского патерика, «Моления» Даниила Заточника, что дает основание рассматривать оба периода как единый этап и, следуя теории стилей академика Д. С. Лихачева, считать главной приметой указанного времени господство **монументально-исторического стиля** в искусстве.

Третий этап в развитии древнерусской литературы приходится на самый трагический период в истории Руси — монголо-татарское нашествие и борьба с ним (вторая треть XIII — конец XIV в.). Отсчет времени обычно ведут с 1240 г., когда под ударами завоевателей пал Киев, и завершают победой русского оружия на Куликовом поле в 1380 г., хотя после этого Русь еще 100 лет платила дань Орде. В литературе данного периода главной становится героическая тема, а монументально-исторический стиль обретает трагический оттенок и лирическую взволнованность. Однако такая тематическая ограниченность — признак не ослабления литературы, а концентрации духовных сил, сосредоточения внимания на главном — вере в возрождение Руси. Именно к этому призывают лучшие творения данного периода: «Житие Александра Невского», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина».

Четвертый этап — время творческих исканий и открытий в литературе, связанное с подъемом национального самосознания, формированием

великорусской народности и возвышением нового центра — Москвы, возглавившей борьбу за консолидацию русских земель. Литературу конца XIV—XV в. принято связывать с русским Предвозрождением, расцветом **экспрессивно-эмоционального стиля** в искусстве, началом процесса раскрепощения творческой личности. В этот период складывается новый нравственный идеал эпохи, что нашло отражение в житиях святых, созданных Епифанием Премудрым. В читательской среде растет интерес к беллетристической и историко-публицистической литературе.

Пятый этап в системе периодизации — самый спорный в определении его характера. Это литература эпохи Московского централизованного государства (конец XV—XVI в.). Возрождение на Руси, как полагают исследователи, не удалось из-за недостаточного развития городской светской культуры, усиления позиций «воинствующей церкви» и подавления еретических движений, а также вследствие падения Новгородской и Псковской республик, очагов политического свободомыслия. Кроме того, завоевание турками Византии замкнуло Русь в собственных культурных границах, где духовные силы народа в основном были поглощены государственным строительством. Централизация русских земель привела к слиянию местных литератур в общерусскую. Обилие и сложность проблем государственной жизни, в том числе и в сфере литературного дела, вызвали небывалый расцвет публицистики. **Ренессансные тенденции** еще видны в самой возможности публичного обсуждения вопросов, в гуманистической идее «Повести о Петре и Февронии Муромских», в стремлении областных школ противостоять процессу унификации, однако уже к середине века набирает силу официальная литература, отличающаяся монументальностью форм и пышностью стиля. Традиционное начинает преобладать над новым; литература переживает **период второго монументализма**, но интерес к истории обретает новые акценты — внимание к биографиям тех, кто согласно средневековым представлениям определяет ее ход и направленность.

Последний век в истории древнерусской литературы — время «смутное», столкновение новых и старых принципов художественного творчества. Развитие индивидуального начала видно во всем: в росте чувства авторской собственности, в силе и самоотверженности протеста личности, в профессионализации литературного дела. В настоящее время в литературоведении наметилась тенденция членить этот период на два этапа:

1) первая половина XVII в., когда в литературе начинается активный процесс разрушения основ старого метода изображения действительности и обновления жанровой системы;

2) вторая половина XVII в. (иногда с выходом в литературный процесс первой трети XVIII в.).

Второй этап в истории русской литературы XVII в. открывается церковной реформой патриарха Никона, воссоединением Украины с Россией, за чем следуют Крестьянская война под предводительством Степана Разина, Соловецкое восстание, череда стрелецких бунтов. Литература уже не представляет собой единого потока, разделившись на *демократическую*, тесно связанную с наследием устного поэтического творчества народа, и *официальную*, где усиливается процесс встраивания в европейскую куль-

туру через активизацию переводческой деятельности и освоение традиций барочного искусства. С **барокко** связано утверждение в русской литературе книжной силлабической поэзии и становление отечественной драматургии. Общим для разных ветвей литературы является внимание к личности человека, неповторимой и самоценной, поэтому в литературе второй половины XVII в. так стремительно растет автобиографическое начало, пронизывающее и сочинения гонимых старообрядцев, и произведения их духовных оппонентов. Эмансипация творческой личности в дальнейшем приведет к тому, что в литературе Нового времени главным станет уже не стиль жанра, но стиль индивидуально-авторский, а развитие литературы будет определять борьба различных художественных направлений и школ.

Мнение исследователя

Проблема периодизации литературы Древней Руси продолжает оставаться актуальной для современного литературоведения. Согласно концепции А. Н. Ужанкова, автора книги «Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII века» (М., 2008), в основе выделения литературных формаций должен лежать *принцип эволюции сознания* средневекового человека. В истории русского средневекового мировоззрения ученый выделяет три этапа развития сознания: *теоцентрический*, *антропоцентрический* и *эгоцентрический*. Им соответствуют три литературных формации. Первая (XI в. — 80-е гг. XV в.) характеризуется обостренным вниманием к проблеме конца света и спасения души, а творчество осмысливается как божественный акт или как словесное сотворчество с Богом. Для второй формации (90-е гг. XV в. — 40-е гг. XVII в.) доминирующей становится проблема личности, ее духовного возрождения; в писательском творчестве начинает проявляться рассудочное начало, выражение личного восприятия событий. Третья литературная формация является переходной от Средневековья к Новому времени (40-е гг. XVII в. — 30-е гг. XVIII в.). Формирование эгоцентрического сознания приводит к тому, что авторы литературных произведений поступки своих персонажей объясняют исходя из их психологии; литературный труд начинает восприниматься как личное дело писателя. В этот период происходит секуляризация сознания. На смену религиозно-символическому мышлению, базирующемуся на вере в Бога, приходит рационалистический способ познания мира, основанный на вере в разум, что способствует формированию собственно художественного метода с появлением типизации, обобщения и вымысла.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что сближает древнерусскую литературу и фольклор?
2. Почему литературу Древней Руси относят к литературам традиционалистского типа?
3. Расскажите о специфике историзма средневековой литературы.
4. Охарактеризуйте два-три жанра, популярных в литературе Древней Руси.
5. В чем заключаются особенности древнерусской книжности?
6. Каковы основные задачи текстологии как науки?
7. Как палеографы определяют возраст рукописи?
8. Почему современное представление о древнерусской книжной культуре отличается неполнотой и неточностью?

9. С какими трудностями сталкиваются ученые, решая проблему периодизации литературного процесса?
10. Какой принцип положен в основу периодизации литературы Древней Руси?
11. Охарактеризуйте один из этапов в истории древнерусской литературы.
12. Как изменяется тематический и жанровый состав русской литературы от XI к XVII в.?

Кейсы

1. Определите линии преемственной связи между русской литературой Средневековья и Нового времени (можно ограничить раскрытие темы творчеством одного автора или историей развития одного жанра).
2. Сравните состав и принципы публикации текстов в «Памятниках литературы Древней Руси» (М., 1978—1994) и «Библиотеке литературы Древней Руси» (СПб., 1997, продолжающееся издание).
3. Выполните сопоставительный анализ периодизации древнерусской литературы авторами двух-трех учебников. Выявите круг спорных вопросов, определите причины разногласий между учеными.
4. Используя самостоятельно отобранный иллюстративный материал, проследите, как изменяется изображение человека в русской иконописи от Средневековья к Новому времени. Какие процессы были общими для литературы и живописи Древней Руси?

Глава 1

ЛИТЕРАТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ. ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Переводная литература и ее значение в истории русской культуры

Возникновению древнерусской литературы предшествовало крещение Руси. В процессе становления феодальных отношений, регулярных контактов с Византией и другими европейскими государствами восточные славяне осознали превосходство христианского монотеизма над первобытным культом языческих богов. Христианизация Руси не была единовременным актом: 988 г. — год признания христианства официальной религией, однако новое религиозное учение проникло на Русь значительно раньше. В 945 г., заключая мирный договор с Византией, князь Игорь и языческая часть населения присягали Перуну, христиане делали это в церкви Святого Ильи. Христианами были варяги, служившие Игорю, и его жена, княгиня Ольга, крестившаяся в Царьграде в 958 г. После принятия христианства на Руси осталось много приверженцев старых обычаев. Краковский епископ Матвей в XII в. свидетельствовал, что русичи «Христа лишь по имени признают, а по сути и в глубине души отрицают». О синтезе языческих и христианских верований можно судить по многим литературным памятникам русского Средневековья — от первых летописей и «Слова о полку Игореве» до бытовых и сатирических повестей XVII в.

Процесс христианизации языческих восточнославянских племен и образования раннефеодального государства обнаружил настоятельную потребность в письменности, которая послужила основой для рождения книжной литературы. Христианская культура Византии проникала на Русь благодаря посредничеству южнославянских стран: Болгарии, Македонии и, возможно, Сербии. Первыми книгами, которые стали читать русские люди, были переводы с греческого, выполненные, как правило, болгарскими книжниками, продолжившими дело византийских миссионеров, проповедников и просветителей Кирилла и Мефодия (IX в.). Эти «учители словенские» не только создали первую славянскую азбуку, выполнили переводы на славянский язык ряда богослужебных книг, но способствовали, по словам Е. М. Верещагина, выработке «языка высокой христианской культуры, нового литературного языка, способного выразить сложную мысль, тонкое чувство и быть носителем эстетического начала». Вслед за моравами, болгарями, сербами, хорватами, македонцами старославянский язык был вос-

принят русскими. Позднее под влиянием живой местной речи сложился древнерусский извод церковнославянского языка, который выполнял функции литературного вплоть до XVIII в. На Руси между литературным и разговорным языком не существовало такой пропасти, как в странах Западной Европы, где большинство прихожан не понимали церковной проповеди, читавшейся на латыни. Близость книжного и разговорного языка способствовала интенсивному литературному строительству, ускоренному процессу развития литературы Киевской Руси.

1.1.1. Историческое повествование

В период своего формирования русская литература была, по словам Д. С. Лихачева, литературой «одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни». Интерес к процессу «сотворения мира», к истории других народов, к подвигам великих мужей древности восточные славяне удовлетворяли за счет переводов византийских **хроник**, из которых на Руси наибольшую известность имели «Хроника» Георгия Амартола и «Хроника» Иоанна Малалы. Отличительной особенностью повествования в хрониках являлось сочетание династических рядов (перечни римских и византийских императоров) с сюжетными рассказами занимательного толка о судьбах исторических деятелей и событиях далекого прошлого (о походах Александра Македонского, основании Рима). «Хроника» Иоанна Малалы содержала пересказы греческих мифов (о битве богов с гигантами, о Зевсе, Кроне, Персее), а одна из ее книг была полностью посвящена истории Троянской войны. Переводные хроники входили в состав источников русского летописания, являлись непременным компонентом отечественных **хронографов**.

Шедевром переводческого искусства ученые считают ставшую известной на Руси не позднее XII в. **«Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия**. Автор книги во время борьбы Иудеи за независимость сначала участвовал в организации сопротивления в Галилее, но после побед римлян перешел на их сторону, стал пользоваться расположением императоров Веспасиана и Тита, безуспешно пытался уговорить сдаться людей, оборонявших Иерусалим. На его глазах город был разрушен, о чем Иосиф Флавий как очевидец этих трагических событий рассказал в «Истории Иудейской войны», написанной в 75–79 гг. и состоящей из семи книг. Большой резонанс, который получило произведение в древнерусской литературе (на него ссылаются автор «Жития Александра Невского», Иосиф Волоцкий, Иван Грозный, протопоп Аввакум), объясняется не только его высокими художественными достоинствами, но и трактовкой бед, обрушившихся на Иудею. Для переводчиков книги Иосифа Флавия эти беды — Божья кара за то, что еврейский народ отверг истинную веру; это исполнение пророчества Иисуса Христа о грядущем разорении Иерусалима.

Автор «Истории» не мог спокойно повествовать о разрушении родного города, о поругании иудейских святынь, гибели защитников Иерусалима. В отличие от «Хроники» Георгия Амартола, где также описывается взятие Иерусалима римскими легионами, рассказ Иосифа Флавия согрет неподдельным чувством сопереживания тем, кого он обвиняет в «безумии»

и гордости, в пренебрежении к знамениям, предвещавшим городу страшный конец. Кульминация повествования — описание гибели в огне Иерусалимского храма: «И невозможно помыслити что лютьѣйша и страшѣйша тогдашняго вопля: римстии плъци бо мятущесе кликаху, мятежници же, обступлени огнемъ и оружиемъ, въпияху, иже остася людей бѣжаху съ ужасомъ кличуще, противу страсти плачуще». На крики людей отзывались окрестные горы и леса. И только кровь была обильнее всепожирающего огня. И не было видно земли, потому что вся она покрылась трупами, и по ним бежали римские воины, добывая отступавших. Некоторые из защитников города предпочли броситься в огонь, разделяя судьбу храма. Эта картина, созданная Иосифом Флавием с поистине апокалипсическим размахом, по мысли переводчиков, должна была послужить историческим уроком тем, кто еще не пришел в лоно христианства, напомнить, что жизнь отдельного человека и целого народа предопределена свыше.

С традициями эллинистического романа древнерусского читателя знакомили «Александрия» и жития византийских святых. Особой популярностью пользовался на Руси роман об Александре Македонском (II—III вв.), главное в котором составляла не историческая достоверность описываемых событий, а остросюжетность рассказа о приключениях героя и диких землях, населенных гигантами, где водятся шестиногие звери, растут исчезающие и появляющиеся вновь деревья. Легендарный характер обретала и сама личность полководца. Не дорожа историческим фактом, автор приписывал Македонскому полубожественное происхождение и мечту завоевать весь мир. Он рассказывал о походах Александра в Сицилию и покорении им Рима, что не соответствовало действительности.

Немногочисленны, но ярки батальные сцены «Александрии», особенно те, где описываются сражения македонян с персами. На поле боя слышны воинственные кличи, тучи камней и стрел закрывают солнце; все смешалось — пешие и конники, свои и чужие, и «не видети бо баше ни неба, ни земли от многы крови». Элементы воинской повести соседствуют в произведении с традициями, идущими от эпистолярной прозы (Александр обращается с посланиями к своим воинам, врагам и побежденным народам) и литературы путешествий (герой проводит жизнь в непрестанных походах и странствованиях). Отправляясь в путь, он жаждет не только славы и власти, но и мудрости. В земле рахманов «любомудры» дают урок великому полководцу, который, как оказалось, не является всесильным и разумным человеком: он не может подарить людям бессмертия и стремится завоевать то, что после его смерти достанется другим. В «Александрии» сильно легендарно-сказочное начало, что придает повествованию фантастический характер: птицы здесь говорят человеческими голосами; море расступается перед войском Александра, чтобы оно могло, не имея лодок, пройти посуху. Большую роль в сюжетной организации повествования играют знамения и видения. Знамения предсказывают судьбу героя, которому суждено умереть молодым. Из сновидения отец Александра узнает, что его жена зачала ребенка от бога Аммона. ореолом таинственности окружена смерть героя, которую сопровождало символическое природное явление: появившаяся на небе яркая звезда «нисходила» в пучину моря.

«Александрия» читалась в составе хронографических сводов Древней Руси. Сюжет о полете Александра на небо запечатлен на барельефах Дмитриевского и Успенского соборов во Владимире. Поэтика произведения об Александре Македонском оказала влияние на формирование древнерусской воинской повести и житий святых воинов.

1.1.2. Агиографическая литература

Христианская культура, будучи «культурой совести», уделяла огромное внимание воспитанию нравственности человека, поэтому в Средние века одним из главных «душеполезных» жанров литературы стал *житийный*. Из византийской **агиографии** (от греч. *hagios* — святой) наибольшее распространение на Руси получили переводы житий Алексия человека Божия, Андрея Юродивого, Антония Великого, Георгия Победоносца, Димитрия Солунского, Евстафия Плакиды, Козьмы и Дамиана, Марии Египетской, Николая Мирликийского, Саввы Освященного, Симеона Столпника, Федора Стратилата и др. Переводные жития (византийские, реже — болгарские и сербские) имели не меньшее хождение, чем оригинальные русские. На Руси в равной мере почитались все православные святые, независимо от того, какой они были национальности и в какой стране жили. Благодаря памятникам переводной агиографии русские «писатели» житий смогли воспользоваться готовой формой повествования о святом и его чудесах, быстро достигли профессиональных высот в этом деле, а сам жанр стал продуктивным в литературе, обрел читателей и почитателей в народной среде.

Исключительное место в русском религиозном сознании занимал **Николай Мирликийский**. По результатам исследования Б. А. Успенского, это наиболее чтимый на Руси святой, культ которого приближался по своей значимости к культу Богородицы и даже самого Христа. Не случайно в церковных росписях он нередко «замещал» Иоанна Предтечу, стоя по левую руку от Христа (справа изображали Богородицу). Среди народа бытовало мнение, что святой Никола входит в Троицу и любая икона с его изображением является чудотворной. В народном восприятии Николай Мирликийский, как и языческий бог славян Волос (Велес), был покровителем земледелия и скотоводства, потому считался «крестьянским» святым, «мужицким заступником» — в отличие от карающего грешников Ильи Пророка. Своим небесным патроном его почитали купцы и мореплаватели, ибо культ Николы воплощал идею богатства и власти над водной стихией.

С именем Николая Чудотворца было связано множество религиозных преданий и легенд, он стал любимым героем народной духовной поэзии. В древнерусской книжности насчитывалось около 40 произведений о святом Николе, в том числе и несколько житий. Ученые выделяют по меньшей мере три варианта его биографии, отличающихся друг от друга, ибо в житии святой Николай, бывший в IV в. епископом в ликийском городе Миры, иногда смешивается с другим Николаем — епископом Пинарским, жившим в Ликий в VI в.

Уже в детстве святой удивлял всех своим стремлением к воздержанию: в постные дни, в среду и в пятницу, он лишь раз в день вкушал материн-

ское молоко; по другой версии вообще отказывался от пищи. Николай проявлял усердие в учебе, быстро осваивая грамоту, и не тратил время на детские игры. Не интересуясь мирской жизнью, он посвятил себя служению Богу — стал священником, а затем получил архиерейский престол в Мирах. Мудрость и красноречие, а также дар исцеления больных принесли ему прижизненную славу. По преданию, во время Никейского собора Николай, не стерпев «богохульства», ударил еретика Ария, «по зубам дрызнул». Только заступничество Христа и Богородицы помогли ему сохранить святительский сан.

Николая прозвали Чудотворцем, поскольку и при жизни, и после смерти, по свидетельству агиографов, он совершил множество чудес: святой исцелял «сухоруких» и прокаженных, умножал хлеб и вино, не раз одерживал победу над бесами. Чудеса Николая Мирликийского могли существовать и в составе жития, и как отдельное произведение, причем несколько чудес, возможно, имели русское происхождение. Рассказы о чудесах святого занимательны и остро сюжетны, полны бытовой конкретики и зримых деталей.

Так, Николай Мирликийский приходит на помощь родителям, чей единственный сын попал в плен к «сарацинам» в день памяти святого, и церковный праздник принес им вместо радости «рыдание» и «сѣтование». Но как только родители юноши «створиша канонъ» Николе, их сын чудесным образом был возвращен из плена домой. Во время ужина раздался громкий лай собак, хозяин приказал слугам посмотреть, не волки ли беспокоят овец. Слуги вернулись ни с чем, а лай сторожевых псов усилился. Когда сам хозяин и гости дома со свечами вышли во двор, то увидели «отрока уна стояща и въ руцѣ държаща стѣкляницу, пълну вина». Отец не сразу узнал сына, который был в чужих одеждах с покрывалом на голове, стоял «как идол», не двигаясь и не говоря ни слова. Лишь спустя время, оправившись от удивления и испуга, он рассказал, что с ним произошло. Прислуживая во время пира «сарацинскому» князю, юноша зачерпнул вина, протянул чашу господину — и оказался во дворе родного дома. Он не знал, кто его «вънезапу похыти», казалось, «яко бо вѣтрѣмъ носимъ бѣхъ», пока не увидел поставившего его на землю «святаго Николу, избраника Божия и заступника теплаго».

К ранним памятникам переводной литературы на Руси относится **«Житие Алексия человека Божия»**, действие которого происходит на рубеже IV—V вв., во времена римских императоров Аркадия и Гонория. «Моленный» сын богатых и благочестивых родителей, обрученный с девушкой царского рода, Алексий тайно покидает Рим и совершает подвиг добровольной нищеты: ходит в рубище и кормится подаванием, избегая людской славы. Вернувшись в родительский дом, он долгое время живет никем не узнанный; как нищий, питается объедками и смиренно сносит оскорбления слуг, которые «пакости ему творяху: ови пѣхаютъ, а друзии ругаютъ, инии же помыями обливаху». Тайна раскрывается лишь после смерти Алексия благодаря «писанию», где он рассказал о своей жизни. Беспредельно горе отца и матери, узнавших, что в их доме 17 лет жил в нищете тот, кто должен был стать наследником богатого имени, тот, которого они так любили и преждевременно оплакали. Когда отец Алексия услы-

шал послание сына, то «въскочи съ прѣстола скоро, и растърза ризы своя, и сѣдины тързаше, текыи надъ тѣло его, вьргъ же себе на пьрси его. Любьзна цѣловаше его глаголя: “Увы мнѣ, чадо мое! Почто ми сицѣ сътвориль еси, почто ми нанесе сице въздыхание?”».

Известное на Руси с XI в., особую популярность «Житие» обрело в XVII в., в период правления Алексея Михайловича, чьим небесным покровителем считался святой. В фольклоре широкое распространение получил духовный стих о «человеке Божием», который существовал в более чем 70 вариантах. «Житие» святого Алексея оказало влияние на многие агиографические памятники Древней Руси («Сказание о Борисе и Глебе», жития Александра Невского и Меркурия Смоленского), послужило основой для произведений ранней русской драматургии, виршей и слов Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Лазаря Барановича.

Не позднее XII в. русскому читателю стало известно **«Житие Василия Нового»** — памятник византийской агиографии X в., нашедший отражение в «Повести временных лет». Особый интерес в житии представлял рассказ о Феодоре — старице, прислуживавшей святому Василию. Явившись во сне Григорию, ученику святого, старица поведала, как после смерти за ее душу шла борьба между ангелами и демонами и что она видела в раю и в аду. В другом видении перед Григорием, от имени которого ведется повествование, разворачивалась картина Страшного Суда. Видимо, **эсхатологическая тема** и привлекала внимание читателей к памятнику.

«Житие Андрея Юродивого», где рассказывалось о любимом слуге византийского вельможи, скифе, принявшем христианство, но изгнанном хозяином за «буесть», в немалой степени способствовало развитию на Руси такого явления, как **юродство**. Рассказ «Жития» о видении Андрею во Влахернской церкви Богоматери явился основой цикла древнерусских произведений, посвященных празднику Покрова Богородицы.

«Житие Антония Великого» — один из древнейших памятников греческой агиографии, созданный около 365 г., — оказало определяющее влияние на становление такой жанровой разновидности житий, как жизнеописание монаха, в частности основателя монастыря. Оно послужило источником для авторов житий Антония и Феодосия Печерских.

Популярным произведением мировой средневековой литературы являлась **«Повесть о Варлааме и Иоасафе»**, которую на Руси часто именовали «Индийским патериком». Возникшая в Индии или Центральной Азии, «Повесть» была переведена на арабский язык, а с него на грузинский и через греческую переработку сюжета стала известна в Древней Руси (не позднее начала XII в.). В основе повествования лежит сказочный сюжет: сыну индийского царя-идолопоклонника Иоасафу звездочеты предсказывают будущее великого христианского подвижника; хотя царевича изолировали от внешнего мира, к нему во дворец под видом купца проникает пустынный Варлаам, под влиянием которого Иоасаф становится сначала приверженцем христианства, а после многих испытаний, как и учитель, отшельником и чудотворцем. Рассказ о благочестивом восточном царевиче стал восприниматься в Европе как житие святого.

Популярности произведения способствовала и его занимательная форма. Через диалог учителя и ученика читатель постигал сложные вопросы веры и приобщался к народной мудрости. Рассказы Варлаама имели вид **притч**. В одной из них рассказывалось о неразумном птицелове, который, поймав соловья, отпустил птицу, доказавшую, что ею он не насытится. Взамен соловей дал человеку три заповеди: никогда не стремись достичь невозможного; не жалея о том, что прошло мимо; не верь сомнительным речам. Чтобы проверить, стал ли человек от этого мудрее, птица готовит ему испытание. Летая над головой птицелова, она смеется над его неразумием и говорит, что, отпустив ее на волю, он лишил себя богатства: ведь внутри птицы сокрыт жемчуг величиной со страусовое яйцо. Неразумный птицелов пытается вновь поймать соловья, прибегая к помощи хитрости. «Прии в домь мой, и друга створившему тя добрѣ с честию отпущю», — ласково увещевает он птицу. Та понимает, что ее урок пропал даром: охотник поверил в невероятное (страусовое яйцо больше соловья), пытался достичь невозможного (поймать птицу, не умея летать) и главное — пожалел, что совершил добрый поступок. Вывод притчи — «такое убо не разумѣють надѣющиеся на идолы своя» — связан с утверждением идеи приоритета христианства над язычеством.

Некоторые из притч «Повести о Варлааме и Иоасафе» вошли в состав Пролога, были использованы в сочинениях Кирилла Туровского и Иосифа Волоцкого. Списки «Повести» находились во многих монастырских библиотеках Руси. Сюжеты жития Варлаама и Иоасафа получили художественную обработку в памятниках русской драматургии Петровского времени, в творчестве В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Л. Н. Толстого, П. И. Мельникова-Печерского.

За счет переводной житийной литературы удовлетворялась и потребность древнерусского человека в беллетристическом чтении. Многие переводные жития святых напоминали «благочестивые романы». Так, **«Житие Евстафия Плакиды»** имело лишь традиционно агиографические начало и конец, повествующие о крещении стратига (полководца) Плакиды и его мученической смерти. Основу жития составлял рассказ об удивительной судьбе этого человека, где использовались типично романские мотивы мнимой смерти, долгой разлуки, случайной встречи. Прославление христианского мученика шло через увлекательное повествование о злоключениях героя, прошедшего испытание нищетой, безвестностью, утратой близких и вознагражденного за терпение славой полководца и счастьем воссоединения с семьей.

«Народными книгами» Средневековья являлись **патерики**, или «отечники». Это были сборники рассказов о святых определенной местности, на что указывают названия патериков: Синайский, Египетский, Иерусалимский, Римский. Повествование в патериках имеет много общих мест (на уровне тем, сюжетов, мотивов, образов), однако у каждого «отечника» есть и свои оригинальные, неповторимые черты.

Для **Египетского патерика**, сложившегося в IV—V вв., характерна поэтизация крайних степеней аскезы — пустынножительства, затворничества, столпничества и т.п. Рассказы патерика прославляют монахов,

которые давали обет молчания, подолгу обходились без еды и сна, совершая молитвенный подвиг. Им помогали ангелы, исцелявшие от болезней и приносившие пищу. Бесы, принимая разное обличье (духовного учителя, юной и красивой девы), подвергали их искушениям. Отшельника Нафанаила, давшего обет никогда не выходить за порог кельи, дьявол пытался изгнать вон, являясь то в образе воина, который громко хлопал бичом, как у палача, то в образе ребенка, попавшего в беду. У десятилетнего мальчика, погонщика осла, перевернулась повозка с корзинами хлеба; ребенок молил святого о помощи, так как приближалась ночь и он мог быть растерзан гиенами. Нафанаил проявил твердость и не нарушил правила, что соблюдал 37 лет. По словам святого, он давно умер для мира, помочь которому может лишь Бог.

К отличительным признакам Египетского патерика ученые относят «острое ощущение бытового колорита и редкую непосредственность изложения» (С. С. Аверинцев), «безыскусственность формы и сложнейшую проблематику периода становления монашества» (Н. И. Николаев). Согласно одному из рассказов святее почитаемого всеми отшельника Питирума оказалась юродивая из женского Тавенниского монастыря. Монахини гнушались «дурочкой», не сажали за один стол с собой, и та жила на поварне, довольствуясь сметенными со столов крошками и объедками. Над ней смеялись, поливали помоями, мазали нос горчицей, ругали и били, однако девушка безропотно сносила все оскорбления. «Она — лучше тебя, — сказал ангел отшельнику Питируму. — Ведь... сталкивается с великим множеством людей, но сердцем ни разу не отступила от Бога, а ты, сидя здесь, мысленно блуждаешь по городам».

В патериках проблемы истинного и ложного благочестия, выбора того или иного вида подвижничества, взаимодействия мирского и сакрального облекались в форму занимательного рассказа, где было много реалий быта, острых коллизий, неожиданных сюжетных поворотов и развязок. Египетский патерик интересен своими портретными и пейзажными зарисовками. Среди его героев много запоминающихся, не похожих друг на друга лиц. Это и авва Илия — «дрожащий от старости» пещерник 110 лет, известный своими аскетическими подвигами; и полиглот авва Феона, свободно читавший на римском, греческом и египетском языках. Это и миротворец авва Аполлос, прекративший вражду между селениями из-за пахотной земли; и авва Евлогий, который 15 лет ухаживал за увечным, подобрав его на торжище.

Авторы патериковых рассказов внимательны к людям с необычной судьбой, богатой экстремальными ситуациями. «Романную» биографию имеет, к примеру, Моисей, чернокожий эфиоп, в прошлом — непокорный раб и главарь шайки разбойников; человек огромной физической силы и необузданного нрава, который, раскаявшись в своих преступлениях, стал монахом. В борьбе с «блудным грехом» на протяжении шести лет он ночью не спал, воздерживался от пищи и изнурял себя работой водоноса. Удар палкой по чреслам, который нанес Моисею подстерегший его у источника бес, заставил монаха страдать телесно, но способствовал духовному выздоровлению. Житие Моисея отличается обилием выразительных деталей.

Запоминается сцена переправы разбойника через разлившийся Нил: Моисей плывет, зажав в зубах нож и повязав вокруг головы хитон. Вещность изображения при этом является не только следствием интереса агиографа к быту: реалья выполняет в тексте и символическую функцию. Как нож, несущий смерть, знаменует греховное прошлое героя, так вода, которой Моисей тайно снабжает тех, кто не может из-за старости ходить на источник за несколько верст от монастыря, является залогом жизни в Ските (египетской пустыне).

Древнерусского читателя поражал экзотический мир христианского Востока, где человеку угрожали то бушующая морская стихия, то испепеляющий зной пустыни. Египетская жара сравнивалась в патерике с «пещью вавилонской». Макарий Александрийский предпочитал передвигаться по пустыне ночью, сверяя свой путь по звездам, ибо днем его мучила жажда и в воспаленном сознании возникал мираж — девушка с кувшином, из которого капала вода. Монахи-пустынники часто были вынуждены довольствоваться росой, которую собирали с камней в кувшины. Среди чудес, совершаемых египетскими святыми, много связанных с водной стихией: силой молитвы они превращали морскую воду в пригодную для питья, изменяли русла рек, низводили с неба потоки дождя на растрескавшуюся от зноя землю.

Египетский патерик имел высокий авторитет в христианском мире и был переведен на языки почти всех народов, испытавших влияние византийской культуры.

Скитский и Иерусалимский патерики, составленные в V—VI вв., включают анонимные рассказы и изречения отцов церкви, распределенные по тематическим главам, каждая из которых призвана раскрыть ту или иную монашескую добродетель («О смирении», «О провидцах» и т.п.). В **Азбучном патерике** материал расположен согласно алфавитному порядку имен подвижников. В этих «отечниках» получают дальнейшее развитие демонологические мотивы, для которых характерно отождествление языческого и дьявольского. В Скитском патерике один из отшельников Фивайдской пустыни, бывший сыном языческого жреца, «видит» и «слышит», как в храме Сатана допрашивает демонов, искушающих христиан. Он сурово наказывает за «неповоротство» тех, кто в течение 30 дней устраивал «брань, и многъ мятежь, и пролитье крови» среди людей, за 20 дней «воздвигал» бури и топил корабли на море, за 10 дней ссорил жениха и невесту. Поцелуя Сатаны, его венца и особой чести восседать вместе с ним на троне удостоивается тот демон, который 40 лет искушал святого в пустыне, а «в сию ночь низложихъ и в любодѣяние».

Неизменным интересом у древнерусских писателей и читателей на протяжении всего Средневековья пользовался **Синайский патерик**, или «Луг Духовный». Он был составлен монахом Иоанном Мосхом в VI—VII вв. и рассказывал преимущественно о быте палестинского монашества. Положенный в основу патерика мотив хождения учителя и ученика по монастырям христианского Востока позволил насытить повествование сведениями географического и этнографического порядка, вести рассказ о святых в разной жанрово-стилевой манере. Некоторые фрагменты патерика, состоящие

из двух-трех строк, написаны в духе документального свидетельства о подвижниках. Они имеют вид памятки, где перечислены главные добродетели или подвиги святого: один старец всю жизнь ничего не вкушал, кроме хлеба и воды; другой прославился тем, что никогда «отъ церкви не излазя»; третий — тем, что «николиже на ребрѣхъ съпавъша». Главы патерика малого объема могут представлять собой запись мудрых изречений: «человекъ подобие Божие бѣ искони, бысть же подобие звѣрино, испадѣ от Бога» или «естьство въздвижеть похоть брании, нѣ постыная заповѣдь угашаеть сия».

В состав Синайского патерика входит много произведений беллетристического характера, например рассказ аввы Палладия о том, что поведал ему «корабельный старейшина», судно которого не могло сдвинуться с места, пока на его борту находилась великая грешница — женщина, убившая детей от первого брака, дабы снова выйти замуж. Из опасения, что злодеяние откроется, Мария бежит из родного города и оказывается на корабле. Пожалев женщину, «корабельник» дал ей лодку, но та тотчас пошла ко дну.

Остросюжетными являются также рассказы патерика о раскаявшихся разбойниках. «Страшную повесть» поведал вор, обкрадывавший могилы, но после того, как неожиданно воскресшая девушка обличила его в несправедном образе жизни, раскаявшийся и ставший монахом. Характерно включение в повествование прямой речи, диалогических сцен, что усиливает драматизм ситуации, подчеркивает «живость» героев и достоверность невероятного. Девушка, которую вор лишил «богатых риз», восстав из гроба, вызывает к его совести: «Не должен ли ты был пощадить меня, мертвую, как я предстану нагой перед Христом; обнажив меня, ты укорил и мать свою, родившую тебя женщину».

Особый цикл рассказов Синайского патерика посвящен трогательной дружбе между монахами и животными. Святые кормят с рук свирепых львов, переходят невредимыми реку, кишашую крокодилами. Хорошо известна история старца Герасима, который исцелил льва, вынув занозу из его лапы, а зверь потом преданно служил ему (пас осла, носил воду из Иордана), как верный ученик, всегда следовал за ним. После смерти Герасима лев на могиле старца «ударяя главою о землю зѣло и ревы», пока не умер от тоски.

Патерики содержали не цельные жизнеописания святых, а короткие рассказы о самых ярких эпизодах подвижнической деятельности монахов — «воинства Христова»: о том, как старец Феон «связал молитвой» пришедших к нему грабителей; как благочестивая черноризица выколола себе глаза, узнав, что ее взгляд возбуждает в юноше любовную страсть. Стиль патериковых сказаний обычно сравнивают со скромной, одноцветной и простой по крою монашеской рясой, настолько он далек от установки поразить читателя «красноглаголением».

Переведенные с греческого языка на славянский уже в X—XI вв., патерики рано вошли в круг чтения древнерусского человека, приобщая его через простые по стилю и интересные по форме рассказы о жизни монахов к высоким истинам христианства, формируя новый идеал поведения. Под влиянием переводной литературы «отечников» складываются русские патериковые своды, обычно монастырские, — Киево-Печерский,

Волоколамский, Псково-Печерский и Соловецкий. Рассказы патериков, позднее включенные в Пролог, «прелестью простоты и вымысла» привлекали А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова и В. М. Гаршина.

1.1.3. Торжественное и дидактическое красноречие

Почетное место в корпусе переводной литературы занимала **патристика** (от греч. *patēr* — отец). Из сочинений богословов, которые пользовались на Руси авторитетом и почитались как отцы церкви, популярными были произведения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника и др. Свою главную задачу они видели в толковании и пропаганде основополагающих догматов христианства. В совершенстве владея искусством дидактического и торжественного красноречия, эти авторы через красоту словесную приобщали христиан к красоте духовной. У них древнерусские писатели-риторы учились метафорической емкости образов, когда святой мог уподобляться виноградной лозе или небесному светилу, слова молитвы сравнивались со стрелами, бьющими в цель, а суетная жизнь ассоциировалась с волнующимся морем. Это развивало поэтическое мышление читателя, формировало его литературные вкусы.

Христианство могло успешно бороться с язычеством, только освоив наследие ораторского искусства Античности, основные приемы ведения полемики, воздействия словом на массы. Показательно, что такой профессиональный ритор, как Василий Великий (IV в.), требовал от слушателей активного восприятия текста: они должны были перебивать проповедника, требуя разъяснений, если смысл его слов был не совсем понятен. Если для Василия Великого слово — мощное средство воспитания масс, то для его друга Григория Богослова оно являлось также и средством самовыражения автора. Самым плодовитым и ярким проповедником византийского Средневековья был **Иоанн Златоуст** (344—407), прозванный так за красноречие. Созданные им, а также приписанные ему слова и поучения входили в состав широко бытовавших на Руси сборников нравственно-дидактического характера: «**Златая чепь**», «**Златоструй**», «**Измарагд**», **Торжественник** и др.

Одной из самых читаемых книг в Древней Руси был «**Паренесис**» **Ефрема Сирина** (IV в.), сборник слов назидательного характера, обращенный прежде всего к монахам и посвященный проблемам аскезы. Популярность книге принесла разработка эсхатологической темы, связанной со вторым пришествием Христа, Страшным Судом, концом света. Мрачный колорит поэзии Ефрема Сирина был близок древнерусскому человеку, ибо его жизнь омрачал страх перед будущим: преждевременной и неожиданной смертью грозили вражеские нашествия, частые неурожаи и эпидемии.

«**Лествица**» **Иоанна Синайского** (VI в.) была посвящена трудному процессу нравственного самосовершенствования. Каждая глава книги — ступень лестницы на пути человека к духовному обновлению — сводилась к характеристике той или иной добродетели: бесстрастия, смирения, чистоты телесной и т.д.

Своды сочинений отцов церкви стали известны на Руси уже в XI в., о чем свидетельствуют «Изборники» Святослава 1073 и 1076 гг. Основу